

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ

1884

І Ю Л Ь

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ ВЪ РОССИИ. Д. Н. Цертелева.
- II. ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭМИРА БУХАРСКАГО. Путевой дневникъ. Гл. VII. В. В. Крестовскаго.
- III. БЕЗДНА. Правдивая исторія. Часть третья. Гл. I—IV. В. М. Маркевича.
- IV. ИЗЪ ИСТОРИИ БРАЧНЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА. Д. В. Цвѣтаева.
- V. ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА. Разказъ о трехъ различныхъ восстаніяхъ. Часть вторая. Гл. IX—XI. Н. А. Крыжановскаго.
- VI. ИЗЪ ПРОЖИТАГО. Гл. XII—XVII. Н. П. Гилярова-Платонова.
- VII. ОБЗОРЪ СЕЙСМИЧЕСКИХЪ И ВУЛКАНИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ 1883 ГОДА. А. П. Орлова.
- VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ. I. „Какая власть въ движеньи запоздаломъ“. Кн. Д. Н. Цертелева.—II. „Возьмите все—не пожалѣю“. К. К. Случевского.
- IX. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГРАФѢ МУРАВЬЕВѢ-АМУРСКОМЪ. В. В. Струве.
- X. НАШИ МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ ЗАЙМЫ. Н. А. Новосельскаго.
- XI. БИБЛИОГРАФІЯ. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.—II. *Избранныя сочиненія Г. Р. Державина*. Изданіе Льва Поливанова.—*Избранныя сочиненія Н. М. Карамзина*. Изданіе Льва Поливанова. С. В.
- XII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Университетскій вопросъ.—Хлебная торговля Россіи и ея конкуренты.—Порто-франко и контрабанда въ Батумѣ.—Укрощеніе волнъ на Каспійскомъ морѣ.—Россія и Средняя Азія.

ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА*

РАЗКАЗЪ О ТРЕХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ВОСПИТАНІЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

IX.

Поднявшись наверхъ, Гибсонъ и графъ нашли тамъ цѣлое общество.

Эмилиа Ивановна въ любимой своей комнатѣ, въ синей гостиной, работала вѣчную свою прошивку и молча внимала какому-то оживленному разказу Вейсига. Мебель и все убранство оконъ и дверей, а также золоченые стулья, фарфоровые и мраморные столики, жардиньерки и все что украшало синюю гостиную было приобретено мистриссъ Эмилией по случаю и очень дешево. Все это было сдѣлано на заказъ въ Парижѣ у знаменитаго Chevalier и привезено за огромную сумму въ Петербургъ для какой-то молодой княгини. Супругъ княгини, да и она сама имѣли повидимому о достоинствахъ русскаго банковаго рубля худшее мнѣніе чѣмъ биржи главныхъ европейскихъ торговыхъ пунктовъ; тѣ даютъ хоть по шестидесяти копѣекъ за рубль, а сіятельная пара и въ грошъ его не ставила. Оба сорили рублями повсюду и очень скоро дошли до прискорбнаго

---

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 2, 3 и 4.

краха. Распродавъ все за безцѣнокъ, ихъ сѣятельства перебрались на постоянное жительство въ Висбаденъ, гдѣ вмѣсто петербургской роскошной обстановки должны были довольствоваться старою потертою мебелью, съ которой чахлы никогда не снимались.

Рядомъ съ синею гостиной, въ чайной, чрезвычайно веселенькой свѣтлой комнаткѣ, посреди которой стоялъ круглый небольшой столъ и которую въ свою очередь любила Наташа, сидѣли вокругъ стола и пили чай и кофе, закусывая холоднымъ ростбифомъ и другими принадлежностями англійскаго lunch'a, кромѣ самой хозяйки, двѣ ея гостьи: Елена Трофимовна и Александра Петровна. Обѣ дѣвицы прѣхали со своими отцами.

Съ барышнями былъ Сергѣй Петровичъ Анкосовъ, особенно оживленный, любезный и веселый. Съ нѣкоторыхъ поръ ему все удавалось, все удавалось. Онъ самъ не мало удивлялся: откуда сыпалась на него такая благодать? Бываютъ въ жизни человѣка полосы счастья: такой ужь, говорятъ, стихъ найдеть; все, даже ошибки, промахи, все приводитъ къ хорошимъ результатамъ, къ неожиданнымъ удачамъ.

Еще вчера его начальникъ, человѣкъ мало сообщительный и не умѣющій ни ласкать, ни задабривать льстивыми фразами, а только всегда ровно и холодно учтивый, еще вчера сказалъ ему:

— Очень радъ буду устроить прочно ваше служебное положеніе и не пропущу случая. Ваши желанія мнѣ извѣстны. На этихъ дняхъ мнѣ пришлось много говорить о васъ съ людьми вліятельными, принимающими въ васъ самое теплое участіе.

„И неужели вся эта благодать отъ нея?“ думалъ Анкосовъ, „отъ Алааровой?“

Вотъ эти-то мысли и были причиной того что Сергѣй Петровичъ, сидя въ чайной съ тремя барышнями, былъ любезенъ и веселъ какъ никогда.

Тетушка Эмилія, въ шелковомъ платьѣ цвѣта Бисмаркъ и въ чепчикѣ со свѣтлыми лентами того же оттѣнка, съ сѣдѣнькими буклями у висковъ, сидѣла на диванѣ прямо и неподвижно; только одна могучая грудь ея двигалась, плавно подымаясь и опускаясь. Правая рука ея, въ которой она держала только-что снятыя золотыя очки, покоилась на развернутомъ листѣ газеты *Times*, лежавшей на овальномъ столѣ

предъ диваномъ, а лѣвая опустилась на колѣни и держала прошивку, которую всегда работающая что-нибудь старушка только-что предъ тѣмъ вышивала. Она перестала работать и сняла даже очки, устремивъ неподвижный взоръ на Вейсига, съ жаромъ говорившаго доктору Рыбину о путяхъ ведущихъ отъ Чикишляра, на берегу Каспійскаго моря, вдоль Атрека на Мервъ, Герать и Кабуль. Этимъ вопросомъ занимался въ то время весь политическій Петербургъ, на него было обращено вниманіе высшихъ властей и о немъ смѣло толковали и подавали рѣшительное мнѣніе даже кто имѣлъ самыя поверхностныя понятія о географіи Азии.

Въ словахъ Вейсига мистриссъ Эмилія разсказывала имена мѣстъ, рѣкъ и ущелій, о которыхъ читала въ сочиненіи покойнаго мужа *Historical Sketch of India*. Она конечно не имѣла терпѣнія прочесть все твореніе достопочтеннаго полковника отъ перваго листа до послѣдняго, такъ какъ плохо его понимала, да и очень ужъ смотворно дѣйствовало на нее это сочиненіе; но все-таки названія нѣкоторыхъ мѣстъ, рѣкъ, горъ и ущелій вѣзались ей въ память.

Вейсигъ, положивъ обѣ руки на столъ и подавъ туловище впередъ, такъ что заднія ножки стула отдѣлились отъ пола, производилъ блестятельный перезвонъ собственныхъ именъ авторовъ писавшихъ объ Индіи, сыпалъ названіями такихъ мѣстъ и именами такихъ азіатскихъ народностей о которыхъ ни одному порядочному человѣку въ Петербургѣ и во снѣ не снилось, и приводилъ такія подробности о колодцахъ и вообще о путяхъ между Чикишляромъ и Пешаверомъ что легко можно было принять его за человѣка всю жизнь занимавшагося исключительно катаньемъ по этому пути взадъ и впередъ.

Увлеченный собственнымъ разказомъ, Вейсигъ и не замѣчалъ полнѣйшаго къ нему невниманія со стороны доктора, который, вмѣсто того чтобы слушать интереснѣйшее описаніе Хайберскаго ущелья и Боланскаго прохода, напиргалъ вниманіе чтобы разсказывать шумный и веселый разговоръ происходившій въ сосѣдней чайной комнатѣ и только урывками долетавшій до него.

Его такъ и подмывало покинуть тетюшку Эмилію и Вейсига на самомъ узкомъ мѣстѣ Хайберскаго ущелья и удрать въ чайную къ Наташѣ.

За то съ большимъ вниманіемъ и съ такимъ же удивле-

нѣмъ слѣдила за говорившимъ почтенная Эмилія Ивановна. Собственно говоря, къ разказу Вейсига она была абсолютно равнодушна, мнѣніе его тоже мало интересовало ее; о томъ могутъ ли пройти Русскіе въ Индію или нѣтъ, вопросъ былъ уже въ глазахъ ея рѣшенъ давно и неопровержимо ея покойнымъ мужемъ; онъ положительно говорилъ: „нѣтъ!“ и заключеніе свое доказалъ въ своемъ превосходномъ, увы! еще не напечатанномъ твореніи; но ее крайне заинтересовало что на языкѣ генерала Вейсига безпрерывно звучали тѣ же имена которыми полонъ былъ манускриптъ ея мужа. Ей страшно захотѣлось похвастать предъ Вейсигомъ о трудахъ покойнаго, но никакъ не могла она найти минуты вставить свое слово, до такой степени непрерывно и неудержимо изаивались трескучія фразы съ устъ заслушавшагося собственныхъ словъ ученаго говоруна.

Наконецъ она-таки не утерпѣла, и когда Вейсигъ выводилъ уже русское войско съ барабаннымъ боемъ и съ развернутыми знаменами изъ Хайберскаго ущелья и торжественно подходилъ къ Пешаверу, она, не распознавъ хорошенько кто кого побѣдилъ и кто куда прошелъ, вдругъ остановила триумфальное шествіе Вейсига совсѣмъ неумѣстной фразой:

— Мой покойный мужъ, мой незабвенный Эдуардъ, въ прекрасномъ сочиненіи своемъ: *Historical Sketch of India*, писалъ тоже много о Хайберскомъ и Болянскомъ ущельяхъ, а также о Гератѣ, Кабулѣ, Пешаверѣ, Келаттѣ, Кветѣ и обо всемъ о чемъ вы теперь говорите, любезнѣйшій Андрей Павловичъ. Какъ мнѣ пріятно что не только въ его отечествѣ, но и у васъ въ Россіи раздѣляютъ его глубокіе взгляды.

— Я совершенно удивленъ, возразилъ Вейсигъ, выправившійся на стулѣ и озадаченно гадѣвшій на хозяйку,—какъ могло ускользнуть отъ моего вниманія какое бы то ни было сочиненіе объ Индіи. Позвольте мнѣ, почтеннѣйшая Эмилія Ивановна, записать заглавіе его, я прямо отсюда поѣду къ Вольфу, и какъ ужъ тамъ хочетъ Маврикій Осиповичъ, а книгу вашего мужа онъ долженъ мнѣ достать.

Вейсигъ послѣшно вынулъ изъ кармана серебряный étui, выдернулъ изъ него карандашъ и засучивъ немного вверхъ лѣвый рукавъ сюртука приготовился писать подъ диктовку Эмиліи Ивановны, на сильно накрахмаленномъ обшлагѣ рубашки. Манеру эту записывать на память онъ перенялъ у одного изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ адвокатовъ, который

имѣлъ обыкновеніе, слушая обвинительную рѣчь прокурора, записывать свои замѣчанія на обшлагѣ рубашки. Это поправилось Вейсигу чрезвычайно. Онъ увлекался не только современными вопросами и модными мыслями, но и современными приемами и наружными манерами вошедшихъ въ моду людей.

— Такъ какъ же, Эмилиа Ивановна, называется сочиненіе вашего мужа?

— *Historical Sketch of India*, отвѣчала мистриссъ Гибсонъ и пока Вейсигъ писалъ, прибавила:

— Но оно еще въ манускриптѣ; многіе почтенные книгопродавцы въ Англіи предлагали мнѣ значительную сумму за этотъ манускриптъ, но я отдать не согласилась. Съ тѣхъ поръ цѣны на все удвоились, и я надѣюсь что...

— Такъ что оно еще не издано и никому еще неизвѣстно, прервалъ старушку обрадованный Вейсигъ.—Какое счастье! Вотъ видите ли, добрѣйшая Эмилиа Ивановна, продолжалъ онъ, пересаживаясь со стула на диванъ рядомъ съ обладательницей такой драгоценности, какъ манускриптъ, никому еще неизвѣстный и написанный человѣкомъ долго служившимъ въ Индіи.—Вотъ видите ли, я теперь самъ пишу пространную записку о путяхъ въ Индію; хочу подать ее нашему правительству. Она сдѣлается конечно общеизвѣстною. Теперь въ Петербургѣ и во всѣхъ журналахъ не только русскихъ, но и иностранныхъ, лишь объ этомъ и говорятъ. Добрѣйшая Эмилиа Ивановна, вы конечно не откажете мнѣ дать прочесть сочиненіе вашего мужа. Я напишу въ моей запискѣ что источникомъ служило мнѣ сочиненіе поاکовника Гибсона. Это подыметъ еще цѣну манускрипта, послужитъ ему рекламой. Вѣроятно къ сочиненію приложены и карты.

На вопросъ этотъ мистриссъ Эмилиа отвѣчать не могла, потому что никогда не доходила въ чтеніи мужскихъ твореній не только до конца втораго тома, гдѣ карты могли быть пришиты, но даже и до половины перваго. Чтобы избѣгнуть отвѣта, она начала протирать очки, долго надѣвала изъ путаясь въ сѣдыхъ букляхъ и наконецъ занялась вновь своими прошивками.

Впрочемъ, Вейсигъ и не ожидалъ отвѣта. Онъ краснорѣчиво продолжалъ улаживать вдову исполнить его просьбу, обещалъ содѣйствовать напечатанію манускрипта, утѣшалъ что его переведутъ на русскій языкъ и напечатаютъ въ Россіи въ пользу вдовы сочинителя, что такое изданіе будетъ

имѣть гигантскій успѣхъ и ссылаясь на доктора, имѣвшаго авторитетъ въ домѣ, какъ на поручителя за точное исполненіе съ его стороны всѣхъ расточаемыхъ имъ обѣщаній.

Но докторъ уже давно воспользовался перерывомъ побѣдоноснаго похода Вейсига на Индію и бѣжалъ изъ гостиной. Было даже слышно какъ онъ весело болталъ всякій вздоръ въ чайной.

„Всѣ его обѣщанія, думала тетушка Эмилиа, только штука-турка, а самая-то постройка будетъ сооружена изъ кирпичей, то башь, изъ мысаей уворованныхъ у моего мужа. Не дамъ ему манускрипта, откажу подѣ благовиднымъ предлогомъ.“

Но и предлога не пришлось ей отыскивать; въ комнату вошелъ графъ Петръ Павловичъ Трояновскій и Гибсовъ.

Послѣ обычныхъ представленій и привѣтствій завязался свѣтскій разговоръ, въ продолженіе котораго Вейсигъ незамѣтно исчезъ.

Въ чайной докторъ между тѣмъ комически описывалъ походъ Вейсига въ Индію и столкновеніе съ Эмилией Ивановной.

— Въ этомъ случаѣ дѣйствительной опасости подвергается не мистриссъ Эмилиа, а вашъ покорнѣйшій слуга, въ свою очередь замѣтилъ Анкосовъ.

— Это какимъ образомъ? вмѣшалась графиня.

— Изъ того что разказываетъ Трофимъ Григорьевичъ, отвѣчалъ Анкосовъ,—я заключаю что не сегодня такъ завтра нашъ почтеннѣйшій Андрей Павловичъ разразится длиннѣйшею запиской о путяхъ въ Индію. Записку эту разошлютъ по министерствамъ и придется разбирать ее и трудиться надъ нею. У Вейсига всегда идеи такіа грандіозныя что привести ихъ въ исполненіе можетъ развѣ онъ одинъ. Кажется ему хочется ѣхать въ Закаспійскій отрядъ, вотъ онъ и напоминаетъ о себѣ запиской о путяхъ въ Индію.

— А скажите, Сергѣй Петровичъ, справедливо или нѣтъ, спросила графиня,—что въ Закаспійскій отрядъ генерала Лазарева требуютъ сестеръ милосердія?

— Не слышалъ объ этомъ, графиня, но могу вамъ сообщить что вчера получена депеша о внезапной смерти Лазарева. Можно ожидать что за вопросъ объ экспедиціи въ Теке примутся теперь серьезно, и легко быть можетъ что Красный Крестъ не замедлитъ предложить свои услуги, такъ что потребуются и сестры милосердія.

— А вы, Александра Петровна, почему же интересуетесь этимъ вопросомъ, не имѣете ли вы намѣренія отправиться туда? спросилъ докторъ, глядя съ удивленіемъ на слабую и хилую дѣвушку.

— Можетъ-быть, отвѣтила графиня тономъ приглашающимъ не продолжать разговора на эту тему, и прибавила:

— Мнѣ говорилъ князь Суздальскій что у нихъ въ полку нѣкоторые офицеры, и онъ въ томъ числѣ, хотятъ проситься въ Закаспійскій отрядъ.

— А я слышала еще болѣе интересную новость, вмѣшалась Елена,—мнѣ говорили что туда хотятъ послать васъ, Сергѣй Петровичъ.

— Какъ туда!? воскликнула удивленная Наташа, вставшая въ этотъ самый моментъ со стула съ чайникомъ въ рукѣ. Она быстро взглянула на Елену и остановилась не донеся чайника до самовара, на который собиралась его поставить. На языкѣ ея готова была фраза: „Да вѣдь ты же говорила мнѣ что его назначаютъ агентомъ въ...“, но Елена дернула ее подъ столомъ за платье и остановила на первомъ словѣ настойчивыми знаками не выдавать ее.

Начатую и такъ внезапно прерванную фразу надо было однакоже чѣмъ-нибудь окончить. Наташа глать не умѣла и потому высказала начатую мысль, но только безъ ссылки на Елену.

Сильно сконфузясь и покрасѣвъ, она сказала:

— *Говорятъ* васъ назначаютъ, Сергѣй Петровичъ, куда-то въ Европу военнымъ агентомъ.

Анкосовъ не сводилъ глазъ съ Наташи, но не могъ видѣть всего что произошло между ею и Еленой, закрытою отъ него самоваромъ; но онъ видѣлъ какъ сконфузилась Наташа.

Появившаяся въ лицѣ ея краска и въ особенности слова ея сказанныя могли бы удивить всякаго; но на нервную натуру Анкосова они подѣйствовали поразительно, въ особенности при увѣренности его что только чрезъ Наташу можетъ онъ получить мѣсто агента.

Сильно взволнованный, онъ чувствовалъ что сейчасъ начнется несчастная судорога мускуловъ въ его лицѣ и потому послѣдшилъ высказать, вставая вмѣстѣ съ тѣмъ со стула:

— Все это, Mesdames, пока еще городскіе толки и быть-можетъ выдумки, ни на чемъ не основанныя. Было бы можетъ статься *осторожнѣе* не говорить объ этомъ вовсе. Какъ

угодно будетъ *нѣкоторымъ* людямъ рѣшить мою *судьбу*, мнѣ неизвѣстно и отъ меня не зависитъ. Я исполню то что захотятъ *другіе*.

Высказавъ эти слова съ особымъ удареніемъ, такъ-сказать подчеркивая *нѣкоторыя* изъ нихъ, онъ всталъ и отошелъ къ окну, гдѣ прижалъ сильно руку къ глазамъ. Давленіе пальцами на мускулы и треніе глаза и щеки въ большей части случаевъ помогали ему.

Изъ всего сидѣвшаго тутъ общества, одна только графиня Alexandrine замѣтила подергиваніе глаза Анкосова, такъ какъ сидѣла по лѣвую его сторону. Она съ участіемъ сдѣлала за нимъ когда онъ сталъ къ окну.

Бѣдная Наташа сконфузилась еще болѣе. Въ словахъ Анкосова она поняла укоръ. Она думала что ему непріятно было публичное оглашеніе ожидаемаго имъ новаго назначенія и сѣтовала на Елену что она не предупредила ее о томъ.

Видя что веселый кругъ разстраивается, Елена встала.

— Я поиграю немного на твоемъ роялѣ, сказала она Наташѣ и, не ожидая разрѣшенія, ушла въ сосѣдній съ чайною комнатою кабинетъ.

Докторъ и графиня послѣдовали за нею. Анкосовъ все еще смотрѣлъ въ окно, а Наташа вышла въ корридоръ, куда вела особая дверь изъ чайной, чтобы позвать Анну Ефимовну и поручить ей убрать и спрятать чай и сахаръ.

Когда она возвратилась въ чайную, въ комнатѣ былъ одинъ Анкосовъ, который нарочно остался, потому что хотѣлъ намекнуть ей о намѣреніи сдѣлать ей со временемъ предложеніе и еще болѣе потому что влюблялся въ нее все сильнѣе и сильнѣе.

Онъ стоялъ у стола, опершись одною рукою на спинку стула, на которомъ до того сидѣла Наташа, а другою перебиралъ свой серебряный аксельбантъ.

Видя его сконфуженнымъ и мучимая мыслию о причиненной ему хотя и невольной непріятности, Наташа подошла къ нему и сказала:

— Вамъ, Сергій Петровичъ, можетъ-быть было непріятно, когда я объявила что вы собираетесь ѣхать на новый служебный постъ въ Европу. Можетъ-быть вы желали держать это въ секретѣ, а я такъ неосторожно выболтала. Въ такомъ случаѣ извините меня.

Съ этими словами, чуть-чуть наклоняя голову, она поклонилась ему болѣе глазами, чѣмъ головой. Она стояла предъ нимъ почти бокомъ, поворотивъ къ нему лицо, со сложенными у талии руками; онъ такъ и лежалъ ее глазами.

— Нѣтъ, Наталья Васильевна, нѣтъ, не то, отвѣчалъ онъ. — Скажите мнѣ, или лучше, не откажите мнѣ въ добромъ совѣтѣ. Еслибы мнѣ дѣйствительно предложили ѣхать въ Азію и въ то же время устраивалось бы... какимъ-нибудь образомъ... назначеніе меня въ Европу, куда ѣхать?

— Куда долгъ велить, гдѣ вы можете быть болѣе полезнымъ, отвѣтила Наташа съ убѣжденіемъ.

— Ну, а если, продолжалъ онъ голосомъ нетвердымъ и начиная сильно волноваться, — если долгъ службы надо было бы... согласовать съ долгомъ, съ обязанностями другими... семейными... еслибы не для одного меня... ъ куда бы поѣхали? съ величайшимъ трудомъ и почти шелотомъ договорилъ онъ, сильно моргая глазами и подергивая щекой. Онъ былъ блѣднѣе какъ полотно, легкая нервная дрожь пробирала его, онъ оперся на стулъ обѣими руками.

Наташа страшно испугалась, ей показалось что онъ вотъ-вотъ сейчасъ упадетъ.

Все выраженіе блѣднаго лица его требовало отвѣта, казалось что жизнь его держится только однимъ ожиданіемъ какого-нибудь отвѣта. Губы его что-то шептали, и Наташѣ показалось что онъ проситъ: отвѣчайте! Изъ состраданія она произнесла какъ могла скорѣе, не обдумывая ни его, ни своихъ словъ, то что первое на языкъ попало.

— Мнѣ кажется, лучше въ Европу, отвѣтила она.

Кровь мгновенно бросилась въ лицо Анкосову. Онъ почувствовалъ себя совсѣмъ счастливымъ и схвативъ руки Наташи, почтительно наклонясь, поцѣловалъ концы пальчиковъ на обѣихъ рукахъ.

Въ тотъ самый моментъ въ комнату вошли Анна Ефимовна изъ дверей корридора и Гибсонъ изъ гостиной. Оба остановились въ полномъ удивленіи.

Но Гибсонъ остановился только на одно мгновеніе и изумленія его никто кромѣ Анны Ефимовны замѣтить не могъ. Съ серьезнымъ, вполнѣ спокойнымъ, но только сильно поблѣднѣвшимъ лицомъ, подошелъ онъ къ Анкосову и протянулъ ему руку.

Тотъ отвѣтилъ особенно сильнымъ пожатіемъ, и смотрѣлъ на Англичанина съ улыбкою счастья на губахъ.

Былъ еще третій свидѣтель поцѣлуевъ Анкосова.

Елена, сидя за роялемъ въ кабинетѣ, саѣдила съ самовольною улыбкой за всюю сценою отраженною чрезъ открытую дверь въ трюмо, которое стояло въ углу кабинета.

— Natalie, въ гостиной остался съ тетуськой графъ Трояновскій, онъ жадеетъ васъ видѣть, сказалъ Гибсонъ по-англійски.

Говоря это, онъ пожималъ руку Анкосова и въ то же время обратился лицомъ къ Наташѣ опустивъ глаза внизъ. Наташѣ показалось что голосъ его дрожалъ, и ее поразила блѣдность его лица.

Наташа ушла недовольная и собою, и этою глупою случайностью.

Въ это время Анна Ефимовна подошла къ столу, и снимая чайникъ съ самовара, провожала глазами выходящаго Анкосова. Когда онъ вошелъ уже въ кабинетъ, она невесело покачала головой и вздохнувъ проворчала:

— Не нравится онъ мнѣ. Не пара ей. Дохлаый какой-то, прости Господи! Ни рожи, ни кожи, да еще съ содроганіемъ какимъ-то, должно-быть слабъ всѣмъ корпусомъ, болѣзнь. Куда тебѣ, немоцному, да такую краю! Въ чемъ душа держится, а туда же ручки лижеть.

Въ кабинетѣ Гибсонъ и Анкосовъ застали Елену играющую на роялѣ какую-то арію изъ модной оперетки, а графиню въ разговорѣ съ докторомъ.

— Вашъ батюшка въ гостиной, и Mlle Алаарова пошла къ нему, сказалъ Гибсонъ здороваясь съ Alexandrine.

— Надо мнѣ видѣть его, воскликнулъ докторъ и послѣдно вышелъ изъ кабинета.

— Спросите, докторъ, лалашу, не пора ли намъ отправляться, крикнула ему въ догонку Alexandrine.

Она перешла, разговаривая съ Анкосовымъ, на балконъ, а Гибсонъ направился къ Еленѣ.

Не переставая играть, Елена еще издали дружески кивнула ему головой. Она была такая хорошенькая что Гибсонъ невольно залюбовался ею.

На ней было свѣтлосѣрое, барежевое платье и такого же цвѣта маленькая шляпка. И платье и шляпка были чрезвычайно просто и красиво отдѣланы чернымъ бархатомъ. Силы съ рукъ перчатки съ безчисленнымъ множествомъ пуговокъ лежали тутъ же, на роялѣ, на выдвижной дощечкѣ для

подсвѣчника. Свѣжій, скромный и свѣтлый туалетъ, оживленность веселыхъ глазокъ смотрящихъ съ сердечною дѣтскою довѣрчивостію на подходящаго Гибсона, шаловливая улыбка на устахъ и масса свѣтлыхъ вьющихся кудрей, выбивавшихся изъ-подъ шляпки, придавали ей видъ такой невинной, такой непорочной, хотя и шаловливой дѣвочки.

Не отнимая рукъ отъ клавишей и не говоря ни слова, Елена показала глазами Гибсону чтобъ онъ сѣлъ на стоявшій тутъ же рядомъ и чуть-чуть позади ея стулъ, и когда онъ исполнялъ ея желаніе, она, не переставая играть все ту же прію, изогнулась въ талии назадъ и наклонилась къ головѣ Гибсона, сказала тихо:

— Кажется, мои слова и мои желанія сбываются. Помните Василій Федоровичъ что я вамъ говорила о Наташѣ когда вы были у насъ въ Укромномъ.

— Я ничего не знаю, хотя и догадываюсь о чемъ вы говорите. Но вы можетъ-быть знаете или видѣли что-нибудь особенное, что до меня не дошло еще или чего я не замѣтилъ.

— Какъ вы недогадливы! Впрочемъ, это въ порядкѣ вещей: папаша и мужья узнаютъ всегда послѣдними о томъ что совершается съ ихъ дочками и женами; *mais l'affaire paraît être en bon train. Vous voilà bientôt libre* *.

Какъ-то странно прозвучали въ ухахъ Гибсона эти слова и въ особенности интимный тонъ коимъ они были сказаны произвели на него не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Онъ озадаченно смотрѣлъ на дѣвушку.

— А теперь мы посмотримъ какъ будете вы пользоваться вашею свободой, *любезный другъ мой*, сказала Елена, упирая особенно на послѣднія три слова и продолжая бряцать нѣсколько сильнѣе по клавишамъ.

„Что это такое? подумалъ Гибсонъ. „Какой странный тонъ“!

— Какже полагаете вы, *Hélène*, отвѣчаетъ или нѣтъ личность на которую вы намекаете тѣмъ требованіямъ которыя вы такъ краснорѣчиво исчисляли тогда во время разговора нашего въ Укромномъ?

* Но дѣло повидимому движается успѣшно. Скоро выбудете свободны.

— Да о немъ именно я тогда и говорила, значить, какъ разъ и подходить. По шаблону сафьянъ, сказала бы ваша тетушка Эмилія Ивановна, отвѣтила Елена со смѣхомъ и послѣ короткаго моачанія продолжала глядя на Гибсона уже серьезно: — Вы должны радоваться, неблагодарный, палаша. Вамъ даютъ прекрасную рѣдкую партію для любимой дочки вашего сердца, а вы не только не лжете, но даже не весело что-то смотрите. Да кромѣ того, я полагаю что вамъ все-таки... все-таки... какъ бы сказать... удобно что ли... приобрести полную свободу и возможность располагать своею жизнью... свободно... устроить ее по... собственному вкусу.

Гибсонъ хмурился.

— Небось призадумались, продолжала Елена ожидавшая напрасно отвѣта.— Съ вами, мужчинами, всегда такъ, говорила она глядя прямо въ глаза Гибсона.— Всякая перемѣна жизни, обстановки, усвоенныхъ привычекъ, все это васъ какъ-то сразу ошеломляетъ. Вы сейчасъ теряетесь.

— А вы никогда не теряетесь, Елена Трофимовна?

— До сихъ поръ не терялась никогда, а находилась нерѣдко.

— Даже когда встрѣчали непреодолимые препятствія тамъ гдѣ ихъ не ожидали? спросилъ Гибсонъ.

— Не потеряюсь и тогда, Василій Федоровичъ. Еслибы вамъ извѣстна была жизнь моя и все что я уже выстрадала, вы и не предложили бы мнѣ такого вопроса.

— Слѣшкомъ молоды вы чтобы ссылаться на опытъ жизни.

— Я была бы очень рада еслибы вы сами могли судить о томъ, еслибы вы могли прочесть во мнѣ какъ въ открытой книгѣ всѣ мои мысли, всѣ мои поступки, всѣ шаги мои въ жизни и хорошіе, которыхъ очень мало, и худые, которыхъ очень много.

— Дайте мнѣ прочесть послѣднюю страницу этой книги. Объ остальныхъ я догадаюсь.

— Извольте, отвѣтила Елена,—но съ уговоромъ что слова мои вы повѣрите безусловно. Я буду исповѣдываться какъ никогда никому.

Отворотясь отъ Гибсона, Елена, видимо и непритворно взволнованная, сильно покраснѣла. Она наклонилась къ роялю и проводя по клавишамъ пальцами правой руки, говорила тихо, какъ бы сама себѣ.

Въ свою очередь Гибсонъ совѣмъ близко наклонился къ головкѣ ея и старался не проронить ни одного слова.

— Последняя страница моей книги, почти шептала она, — какъ въ книгахъ: *Table des matières*. Вотъ что написано въ этомъ оглавленіи: Ссора отца моего съ матерью. Я осталась при матери. Ея проступки, совершаемые на глазахъ моихъ когда мнѣ не было еще десяти лѣтъ, и такъ до семнадцатилѣтняго моего возраста. Неуваженіе къ родителямъ. Безнравственное воспитаніе и дома и въ гимназій. Дурные со всѣхъ сторонъ примѣры. Ни одного добраго, нравственнаго вліянія. Я не люблю отца и онъ не любитъ меня.

Голосъ Елены начиналъ дрожать, но она старалась преодолѣть волненіе, слушала на клавиши обѣ руки и заиграла вальсъ Страуса.

Послѣ короткаго молчанія она продолжала:

— Любовь сумашедшаго и ненавистнаго мнѣ Лобова, начальное предложеніе его жить открыто въ гражданскомъ бракѣ. Только одно честное предложеніе жениться, да и то со стороны выгнаннаго изъ службы за пьянство афкаря; исполненное презрѣнія ко мнѣ ухаживаніе людей такъ называемаго хорошаго тона, какъ князь Суздальскій, который не посоветнася предложить мнѣ деньги за любовь, потому что у отца моего ихъ нѣтъ, а у его отца ихъ было много. Почти то же, если не хуже, со стороны графа Павла Трояновскаго. Вотъ моя книга, Василій Федоровичъ, а мнѣ всего двадцать два года, и я хороша собой, и у меня сердце способное любить и понять, оцѣнить честную привязанность благородной души.

Слезы показались на глазахъ Елены.

Веселый мотивъ вальса, который она играла, и полныя слезъ слова ея были въ такомъ же противорѣчій какъ вѣшняя ея сторона и внутренній ея міръ. Больно было сердцу слушать и то и другое вмѣстѣ.

— Потомъ, продолжала она нѣсколько успокоясь, — потомъ... много разной грязи... которая не въ моей натурѣ... которая мнѣ противна... которой мнѣ стыдно.

Она обѣими руками закрывала раскрасившееся лицо, но сейчасъ же оломнилась, начала тихо наигрывать что-то очень грустное Мендельсона и говорила, поднимая глаза вверхъ, какъ бы вдохновенно:

— Въ цѣлой массѣ людей которыхъ я встрѣчала не нашлось пока ни одного который имѣлъ бы ко мнѣ достаточно уваженія чтобы не видѣть во мнѣ только игрушку и удовольствованіе своихъ прихотей. Еслибы, на счастье мое, я встрѣтила такого человѣка и онъ полюбилъ бы меня, мою душу, мое сердце, мой умъ, я отдалась бы ему безгранично. Ему стоило бы пожелать чтобы черное сдѣлалось бѣлымъ, и я буду чиста какъ ангелъ. Если онъ скажетъ мнѣ: „я люблю тебя“, онъ въ одинъ этотъ мигъ сдѣлается мнѣ отцомъ, матерью, всѣмъ, потому что однимъ этимъ словомъ онъ дастъ мнѣ новую, лучшую жизнь, подниметь меня изъ грязи, очиститъ меня, перевоспитаетъ мою душу. Я сдѣлаюсь его твореніемъ, вещью его навсегда ему принадлежащею. Если же... я не встрѣчу такого человѣка, ну, тогда!..

Она замолчала и перестала играть.

— Что жъ тогда? спросилъ Гибсонъ.

— Тогда, тогда я буду презирать себя столько же сколько презираю теперь людей, всѣхъ, всѣхъ, кромѣ... одного... того кого можетъ-быть встрѣчу еще.

Откровенный разказъ Елены удивилъ и растрогалъ Гибсона.

Глубоко вздохнувъ, онъ всталъ со стула, протянулъ руку Еленѣ, тоже поднявшейся, и сказалъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ:

— Ваша откровенность тронула меня до глубины души, какъ рѣдко что трогало меня въ жизни. Нашего сегодняшняго свиданія я не забуду никогда. Его одного достаточно чтобы понять и по достоинству оцѣнить вашу прекрасную натуру. Ея не могли испортить ни самое безсовѣстное воспитаніе, ни вліяніе безправственнаго общества. Будьте увѣрены, какъ я въ томъ увѣренъ, что вы можете составить счастье самаго достойнаго человѣка, и я не сомнѣваюсь что вы его встрѣтите. Всякій истинно порядочный человѣкъ который узнаетъ васъ какъ я знаю теперь почтетъ за особенное счастье быть вашимъ мужемъ. Вы позволите мнѣ на вашу откровенную исповѣдь отвѣтить также откровенно? Вы ошибаетесь, говоря что я скоро буду свободенъ. Можетъ-быть я никогда не буду свободенъ. Это зависитъ отъ Natalie, которой посвящена вся моя жизнь начиная съ ея дѣтства.

Въ эту минуту все общество входило въ кабинетъ.

— Еще разъ благодарю васъ за вашу откровенную, задушевную бесѣду, никогда слова ваши не изгладятся изъ моей памяти. Они тронули меня до глубины сердца, послѣдствіемъ докончить Гибсонъ, дружески пожимая еще разъ руку побѣдившей Елены.

Она устремила исполненный злости взглядъ на приближавшуюся къ ней Наташу.

Затѣмъ всѣ разѣхались, даже Эмилія Ивановна съ Наташей поѣхали на Острова.

Гибсонъ послѣдшилъ въ кабинетъ чтобъ окончить начатую работу и возвратитъ планъ дворца.

Но видно день этотъ дѣйствительно былъ днемъ неудачъ для всѣхъ членовъ его семьи; планъ Зимняго Дворца не оказалось ни на столѣ, гдѣ онъ былъ оставленъ, ни во всемъ домѣ. Онъ исчезъ безслѣдно, не взирая ни на запертую маленькую дверь, ни на приказаніе отданное швейцару не пускать никого въ комнаты нижняго этажа. По сдѣланному тотчасъ же дознанію, оказалось что можно было войти только чрезъ корридоръ и дверь выходящую изъ корридора въ пріемную, а оттуда чрезъ библіотеку въ кабинетъ. Но никто изъ людей не замѣтилъ никого чужаго въ корридорѣ. Всеобщее подозрѣніе падало на слесаря.

По спросамъ оказалось что выйдя вмѣстѣ съ Эмиліей Ивановной изъ кабинета Гибсона, слесарь довольно долго работалъ еще въ сараѣ, надъ починкой замка у ларя, гдѣ хранился овесъ, а затѣмъ воротился въ домъ чтобы забрать оставленный въ передней мѣшокъ съ инструментами, вѣроятно дворомъ, чрезъ ворота, вышелъ на улицу; но никто не замѣтилъ его выхода. Подозрѣніе подкрѣплялось еще и тѣмъ что пока всѣ сидѣли на верху у Наташи и Эмилія Ивановны, являлся другой слесарь, съ запиской отъ секретаря Общества попеченія сирыхъ и бѣдныхъ мастеровыхъ. Когда ему было заявлено встрѣтившимъ его на дворѣ кучеромъ что часа за полтора до него былъ уже другой слесарь, онъ нашелъ лишнимъ докладывать о своемъ приходѣ, но просилъ только сказать что являлся дескать слесарь присланный отъ Общества съ запиской, которую и показалъ говорившему съ нимъ кучеру. Собравъ всѣ эти данныя, Гибсонъ счелъ необходимымъ немедленно отправиться въ англійское посольство и передать всѣ подробности дѣла, для доведенія его до свѣдѣнія полиціи.

Черезъ два дня тотъ же планъ былъ присланъ къ Гибсону обратно съ неизвѣстнымъ человѣкомъ и съ коротенькою благодарственной запиской, написанною довольно впрочемъ нескладно по-англійски.

Похищеніе плана было ловкое и *тщательно отпаяны* были *все его детали*, какъ писали по другому случаю русскіе социаллисты въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ.

X.

Разговоръ съ Гибсономъ произвелъ на Елену сильное и пагубное для нея впечатлѣніе.

Она совершенно вѣрно судила о нравственномъ положеніи своемъ, утверждая что собственными силами она не совладаетъ съ уносившимъ ее быстрымъ потокомъ. Внутреннее самосознаніе говорило ей что, предоставленная самой себѣ, она не остановится въ непреодолимомъ движеніи внизъ по наклонной плоскости порока. Нужна была сильная рука, которая помогла бы ей оторваться отъ людей влекущихъ ее безжалостно въ пропасть, рука друга способная подыять ее, упавшую на скользкомъ пути жизни, поставить ее на ноги и съ любовью поддержать въ своихъ объятіяхъ, на первыхъ шагахъ ея по этому новому и неизвѣданному ея пути.

Такую сильную и дружественную руку надѣялась она найти въ Гибсонѣ; для нея онъ былъ послѣднею надеждою, соломинкой утопающаго. Постоянно возвращалась она къ этой завѣтной идеѣ, приравливалась ко вкусамъ, къ образу мыслей, къ желаніямъ и привычкамъ Гибсона; говорила ему часто съ особеннымъ сердечнымъ участіемъ о Наташѣ, потому что знала его отцовскую къ ней привязанность; надѣялась на себя личину уже утраченной скромности, даже ригоризма; поддѣлывалась подъ его политическія убѣжденія и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась увлечь его своею чарующею женственностью.

Не видя однакоже никакого успѣха, и мысленно отыскивая тому причину, она думала найти ее въ зависимости Гибсона отъ судьбы пріемной его дочери Наташи.

Ошибалась конечно бѣдная Елена во всемъ. Она не знала и никто не сказалъ ей что съ такими людьми какъ Гибсонъ интриги не помогаютъ. Можно интригой повредить такимъ

людямъ, даже погубить ихъ, но возбудить въ нихъ интригой порывы любви невозможно.

Она не догадалась что еслибы Гибсонъ любилъ ее и увидалъ бы въ ней не кокетство, а истинное, непритворное къ нему расположеніе, онъ не молчалъ бы, онъ съ восторгомъ кинулся бы на представлявшійся ему призракъ счастья.

Всего этого она не знала, и въ надеждѣ на успѣхъ, который, по мнѣнію ея, достаточно былъ подготовленъ ея трудами, она рискнула, поставила всю судьбу свою на карту и—проиграла.

Она сама себя говорила что проиграла.

Если такъ, думалось ей, если мнѣ не суждено сдѣлаться его женой, къ чему тогда буду я вслушиваться въ тотъ внутренній голосъ который иногда говоритъ во мнѣ и шепчетъ что-то о чести и добродѣтели? Къ чему онъ? Я возненавижу его. Онъ не даетъ мнѣ покоя, укоряетъ меня, обличаетъ въ дурныхъ поступкахъ, съ обиднымъ динизмомъ называетъ всякую мою подаость—подаостью, всякій грѣхъ—грѣхомъ, а взамѣнъ того что жь даетъ мнѣ? одни оскорбленія въ родѣ золоченой лилюли Гибсона. Нѣтъ, довольно; этого голоса я болѣе слушать не хочу, напротивъ, я буду противиться ему; на зло ему я надѣлаю столько разныхъ гадостей и подаостей что задушю его совѣмъ. Я не хочу болѣе признавать того начала отъ котораго голосъ этотъ исходитъ. Вотъ такъ только и можно понять дьявола! думала она, горячася все болѣе и болѣе.

Но тотчасъ послѣ такого порыва досады надежда опять манила ее сладкою улыбкой.

Она старалась вдуматься хорошенько въ смыслъ словъ Гибсона, и ей казалось что въ нихъ видна только привязанность отъа и исполненіе какого-то непостижимаго для нея обязательства.

Но что жь это за обязательство? думала она. Повидимому оно ставить его въ полную зависимость отъ ея воли, отъ ея каприза. Захочетъ она, онъ на ней и женится, не захочетъ, онъ остается свободнымъ и тогда... Да! это вѣрно такъ, кажется я не ошибаюсь, весь вопросъ въ Наташѣ. Надо только чтобъ она не захотѣла или не могла выйти за него замужъ, и все можетъ еще устроиться. Но какъ это сдѣлать? Дѣло съ Анкосовымъ можетъ-быть уладится. Этотъ

карьеристъ, какъ палецъ изъ картона, бѣшено замахалъ и руками и ногами только-что я слегка потянула его за нитку честолюбія и теперь надсѣдается всею своею душою чтобы влюбиться въ случай находящійся предъ его моргающими глазами и влюбить въ себя Наташу. Вонъ дѣло дошло уже до цѣлованья рукъ. На дняхъ вѣроятно выйдетъ его назначеніе агентомъ. Другой такой же картонный палецъ, шоп ами Paul, изъ всѣхъ силъ о томъ хлопочетъ. Вотъ настояціе подлецы-то — mes chers amis! Какъ только назначеніе выйдетъ, такъ сейчасъ же Анкосовъ и посватается. Если Наташа ему не откажетъ, это будетъ служить доказательствомъ что она того не любитъ. Ну и пускай себѣ выходить замужъ за человѣка у котораго орденъ вмѣсто сердца. Поздравляю ее отъ души! А если она откажетъ Анкосову? тогда что? Вѣдь этотъ отказъ можетъ означать что ей нравится другой, и тогда это можетъ быть Гибсонъ. Никого другаго я не вижу возлѣ нея. Къ тому же это было бы такъ естественно: я же полюбила его, отчего не полюбить и ей? Какъ эта мысль не приходила мнѣ раньше въ голову? Нѣтъ, Лѣлечка, съ вашими порывами къ добродѣтели вы были просто гаулы. Однако что жъ изъ всего этого можетъ выйти? Выйдетъ скверно, потому что для нея-то выйдетъ ужъ очень хорошо. Теперь Гибсонъ увѣренъ что Наташа его не любитъ, теперь онъ даже не прочь жениться на мнѣ, а тогда дѣло приметъ другой оборотъ. Сватовство Анкосова разбудитъ ихъ, откроетъ имъ глаза, они сразу поймутъ что можно и жениться, проспрягаютъ глаголь: j'aime, tu aimes, nous aimons, да и обвѣчаютъ. Настанетъ для нихъ медовый мѣсяцъ и золотой вѣкъ. А я-то что же? Нѣтъ! pas de ça, mes enfans *, а всѣхъ моихъ собачекъ подыму на ноги. Они втянутъ васъ въ такую исторію что только держись. Прежде всего надо науськать ихъ чтобы какъ хотять разъяснили мнѣ эту туманную картину называемую его обязательствами къ Наташѣ. Что это за обязательства такіа? Нельзя ли будетъ тамъ прицѣлиться къ чему-нибудь. А чтобы все это разъяснить, надо бы увидеть кого-нибудь изъ тѣхъ кто былъ вмѣстѣ съ ними тамъ въ Азіи когда онъ взял Наташу къ себѣ. Мой палецъ тамъ былъ, да его спрашивать нечего, онъ Наташу любить во сто разъ больше чѣмъ меня.

* Я вамъ, дѣти мои, этого не позволю.

Главное, не надо терять времени, надо все хорошенько обдумать, разчитать и приготовить. А пока остановить бы немного назначеніе Анкосова. А чтобы дѣйствовать надо быть въ Петербургѣ, а не въ Укромномъ.

Елена дѣлала всѣ эти соображенія ѣдучи съ отцомъ на извозчикѣ отъ Гибсоновъ на городскую квартиру Рыбина чтобы затѣмъ вечеромъ отправиться по Балтійской желѣзной дорогѣ.

Оставалось найти предлогъ не ѣхать въ Укромное.

Прибывъ на городскую квартиру Елена не теряя ни минуты отправила съ посыльнымъ двѣ записки: одну, на французскомъ языкѣ, графу Павлу Павловичу, и другую, на русскомъ, Михаилу Павловичу Лобову. Въ первой она просила графа найти предлогъ удержать отца въ городѣ, а во второй приглашала Лобова зайти къ ней въ тотъ же день вечеромъ.

Оба желанія ея были исполнены.

Не прошло и часа, графъ прислалъ Рыбину съ курьеромъ увѣдомленіе о томъ что дѣло объ опредѣленіи его въ комитетъ ждетъ только личныхъ его объясненій, и что потому онъ покорнѣе проситъ Трофима Григорьевича пробыть нѣсколько дней безвыѣздно въ городѣ и завтра же утромъ пожаловать къ нему часамъ къ двѣнадцати.

Тотъ же курьеръ передалъ Еленѣ маленькую записочку, всего въ три строки, по прочтеніи которой Елена быстро написала отвѣтъ еще болѣе короткій, всего въ три буквы, такъ какъ весь онъ заключался въ одномъ словѣ: „Oui“.

Но какъ ни былъ онъ коротокъ, видно ужъ очень пришелся онъ по вкусу графа, потому что его сіятельство изволилъ пожаловать курьеру рублевую бумажку на чай.

Лобовъ приходилъ вечеромъ ненадолго.

На другой день около четырехъ часовъ Елена подѣхала въ двумѣстной каретѣ къ небольшому дому на Ангаійской набережной гдѣ жилъ графъ Павелъ Павловичъ.

На подѣздѣ встрѣтилъ ее одинъ старикъ Василій, камердинеръ графа. Въ обширномъ вестибюлѣ не было ни души—ни швейцара, ни курьеровъ, ни домашней прислуги. Очевидно всѣ лишніе свидѣтели были удалены нарочно по распоряженію графа, который придавалъ посѣщенію Елены характеръ секретнаго свиданія.

— У васъ въ домѣ развѣ нѣтъ швейцара? спросила Елена не снимая съ себя бѣлаго, шеаковаго *par-dessus*, хотя Василій

уже протянулъ надъ нею руки какъ бы благословляя ее сзади чтобы принять верхнюю, легкую оболочку.

— Швейцарь-съ? какъ не быть, есть-съ, да графъ изволилъ приказать... изволилъ... усадъ его куда-то, путался въ отвѣтъ сконфуженный Василій.

— Потрудитесь пожалуста позвать его, мнѣ онъ нуженъ, выговорила Елена самымъ спокойнымъ, но гордымъ тономъ.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ ничего не понимая Василій.

Такого пассажа съ нимъ никогда еще не случалось; а кажись не впервые разъ приходилось ему принимать молодыхъ дамъ при такомъ именно церемоніаль. Нѣкакъ не могъ онъ объяснить себѣ требованія барышни, противорѣчащаго распоряженіямъ барина.

Пришелъ швейцаръ, отставной шевроистъ со знакомъ военнаго ордена.

— Запишите мой адресъ, приказала ему пріѣхавшая гостя громко, на весь домъ:

„Елена Трофимовна Рыбана, Большая Комюшенная, домъ № 58, квартира № 9“.

Затѣмъ она въ сопровожденіи совсѣмъ изумленнаго Василія поднялась по лѣстницѣ въ верхній этажъ.

Что это случилось съ барининомъ? думалъ старикъ идя позади барышня по лѣстницѣ. Свои своихъ не познала. Какъ же такъ ошибиться! Подай ей всѣхъ, чтобы видѣли всѣ что она не такаа. И видно, ей Богу видно, что не такаа. Да чудится мнѣ что я гдѣ-то мелькомъ видѣлъ ее.

Въ первой комнатѣ встрѣтилъ ее сіяющей и торжествующей графъ въ цвѣтномъ свѣтломъ гаустучкѣ съ голою шеей и въ шикарномъ утреннемъ костюмѣ.

Подъ руку съ хозяиномъ тихо прошла Елена анфиладу трехъ большихъ комнатъ: бѣлой, пунцовой и желто-золотистой; оставалась впереди еще четвертая—кабинетъ. Въ открытую дверь были видны: огромный письменный столъ, шкафы съ книгами и кресла обитыя зеленою кожей.

— *Comme vous êtes joliment logé et meublé*, замѣтила Елена, входя изъ пунцовой въ желтую гостиную, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ посреди комнаты лежала масса альбомовъ и переплетенныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Она оставила руку графа, подошла къ круглому столу, открыла первый попавшійся ей альбомъ, который оказался съ видами Рима, и начала перелистывать его.

Графъ стоялъ позади любуясь ею.

— Кто бы повѣрилъ, заговорила она не оборачивая головы,—что въ нашъ вѣкъ есть въ Петербургѣ дѣвица моихъ лѣтъ которая ни разу не была за границей.

— Когда-нибудь, Héléne, мы съѣздимъ туда вмѣстѣ, отвѣтилъ графъ нервнѣйшимъ тономъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Противный! подумала Елена и отъ чувства омерзѣнія втянула немного губки и вздернула носикъ, затѣмъ усмѣхалась она сказала:

— А пока я ничего не видѣла и ничего не знаю, разкажите мнѣ, чтó это такое?

И она, поднявъ альбомъ выше плеча и не оборачиваясь назадъ, указала ему своимъ тонкимъ пальчикомъ, въ плотно натянутой перчаткѣ, на изображеніе Тарпейской скалы.

Наклонясь къ ея плечу и стоя къ ней совсѣмъ близко, онъ объяснилъ ей что со скалы этой сбрасывали внизъ римскихъ гражданъ дурно служившихъ отечеству.

— Значить, возразила она, положивъ альбомъ на столъ и быстро обращаясь лицомъ къ графу, который только-что собирался обнять сзади ея талію;—значить если какой-нибудь важный римскій сановникъ, въ родѣ нашего статсъ-секретаря, терялъ по дорогѣ изъ Капуи въ Римъ секретную бумагу, то его... сейчасъ же... туда... со скалы внизъ головой?

— А! и до васъ дошла слауха объ этомъ происшествіи? пробормоталъ сконфуженный статсъ-секретарь.

— Дошла, графъ, да еще съ такими подробностями о которыхъ вѣроятно и вы не слышали.

— Какъ, чтó? какія подробности? испугалась статсъ-секретарь.

— Сядемте, я устаю, сказала Елена.

Оба сѣли.

Обезпеченный графъ забылъ на минуту о своемъ улоеніи.

— Городскіе толки, не болѣе, усмѣхалась успокоивала его Елена,—пугаться тутъ нечего, я вамъ и разкажу ихъ потомъ, а теперь я хотѣла бы...

— Да не угодно ли, Héléne, прервалъ ее старшій волокита,—войти въ мой кабинетъ, тамъ будетъ лучше говорить о томъ чтó вамъ угодно будетъ приказать мнѣ. Здѣсь мы какъ на Невскомъ Проспектѣ.

— Послѣ, графъ, а пока я просила бы васъ объяснить мнѣ по какому важному дѣлу угодно было вашему сіятельству вытребовать меня къ себѣ въ этотъ часъ запиской поученою мною вчера съ вашимъ курьеромъ?

— Какъ такъ! Я не совсѣмъ понимаю васъ, Héléne, бормоталъ ошеломленный статсъ-секретарь.

— Если вы уже рѣшились, продолжала между тѣмъ Елена, — вытребовать меня запиской къ себѣ, а не пожаловать на квартиру моего отца, то я полагаю что должны же быть какія-либо особенно важныя причины.

Совсѣмъ сталъ въ тупикъ бѣдный статсъ-секретарь.

Это rendez-vous, въ ожиданіи котораго онъ, взволнованный, предурно провелъ всю ночь, принимало какой-то странный, дѣловой оттѣнокъ. Не могъ же онъ сказать прямо въ глаза дѣвушкамъ что онъ приглашалъ ее не ради дѣлъ важныхъ или неважныхъ, а для чего-то другаго, о чемъ нельзя было и упоминать въ запискѣ.

Comment me tirer de là? * думалъ онъ, пока Елена перелистывала альбомы. Ah, une idée! Это должно заинтересовать ее.

— Вы мнѣ говорили, Héléne, началъ онъ, — еще тамъ въ Укромномъ, насчетъ подруги вашей Natalie Алаяровой и насчетъ необходимости ее... comment dirais-je?.. **

— Сосватать за Анкосова, перебила Елена, — да, говорила, просила васъ, и не напрасно, за чтò очень, очень вамъ благодарна, ваши нѣсколько словъ за обѣдомъ подѣйствовали магически. Дѣло подвигается впередъ на полныхъ парахъ, оно близко къ разрѣшенію.

— Такъ что вѣроятно требуется ускорить назначеніе Анкосова куда-нибудь агентомъ, произнесъ Павелъ Павловичъ, обрадованный тѣмъ что наконецъ-то на этотъ разъ попалъ повидимому въ тактъ.

— Нисколько, получалъ онъ совершенно неожиданно въ отвѣтъ; — даже напротивъ, надо бы поудержать немного его назначеніе. И понять не могу, къ чему вы торопились; не просила же я васъ гнать это дѣло штурмомъ, *tambour battant*. *** Такъ можно все испортить.

* Какъ выйти мнѣ изъ этого положенія?

** Какъ выразиться?

*** Съ барабаннымъ боемъ.

— Ah ça, chère Héléne, трудно угодить вамъ, сорвалось съ его языка.

— И не трудитесь, графъ, примите что я ничего не просила, если такъ трудно исполнять мои маленькія просьбы.

Сказавъ это обиженнымъ тономъ Елена встала.

— Успокойтесь, садьте, ma belle enfant. Какъ вамъ не стыдно сомнѣваться въ моей готовности исполнить малѣйшія ваши пражоты? Прощу васъ, Héléne, дайте мнѣ подробную инструкцію: что и къ какому сроку я долженъ сдѣлать. Я буду молчать и слушать васъ. Всѣ ваши приказанія будутъ свято исполнены.

— Да никакихъ особенно важныхъ просьбъ и нѣтъ, сказала Елена улыбаясь.—Подправьте только то что вы уже напортали. Удержите немного назначеніе Анкосова, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, и помогите мнѣ, если только не трудно, voir un peu clair les affaires de Natalie *. Вы говорили мнѣ что читали какія-то донесенія о смерти ея матери и о благородной роли которую при этомъ случаѣ игралъ Гибсонъ. Мнѣ бы надо было, и не столько мнѣ сколько самой Наташѣ знать подробности всего этого происшествія. Можете ли вы, графъ, добыть эти донесенія и дать мнѣ прочесть ихъ?

— Бумаги эти не у меня въ рукахъ, отвѣтилъ Трояновскій,—онѣ въ другомъ министерствѣ, но я ихъ добуду и покажу вамъ.

— Вотъ когда вы ихъ добудете, графъ, тогда увѣдомите меня, я приѣду къ вамъ и просмотрю ихъ сама... въ вашемъ кабинетѣ. А теперь прощайте. Тогда же... у васъ въ кабинетѣ, расскажу вамъ и о слухахъ насчетъ пропадавшей бумаги. Теперь мнѣ некогда. Я тороплюсь.

Совсѣмъ сконфуженный хозяинъ проводилъ гостя до низу лѣстницы, до выходныхъ дверей, съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія и благодарности къ высокопоставленной, знатной особѣ, удостоившей его неожиданнымъ и лестнымъ для него посѣщеніемъ.

Къ немалому удивленію увидалъ онъ что вопреки его приказаній vestibule былъ полонъ людьми; торчалъ тутъ и шевроистъ швейцаръ, глазѣли нѣсколько курьеровъ и улыбался, да еще съ явною провіей, старикъ Василій.

* Яснѣе помять дѣла Наташи.

— Шоколатъ, что ваше сіятельство изволили приказать приготовить, прикажете подать? спросилъ Василій подымаясь по лѣстницѣ вслѣдъ за баринномъ.

— Убирайся ты къ чорту съ твоимъ шоколатомъ! выругался совсѣмъ раздосадованный баринъ.

XI.

Въ концѣ августа, около восьми часовъ вечера, изъ вагона конно-железной дороги, или, какъ болѣе коротко выражаются жители Петербурга, *звонилки* седьмого вдоль Невскаго Проспекта отъ Адмиралтейства къ вокзалу Николаевской дороги, ловко соскочила съ задней подножки на мостовую молоденькая и просто одѣтая дѣвушка. Она быстро пробѣжала на уголъ Невскаго и Николаевской улицы къ яркосвѣщеннымъ окнамъ въ которыхъ выставлены были красныя яблоки, зеленыя груши и желтыя сливы. Сколько можно было разсмотрѣть при свѣтѣ лампы фруктовой лавки, дѣвушка была въ темномъ платьѣ; на шеѣ ея былъ наверхечъ синій вязаный шарфъ поднятый до самаго рта; концы шарфа висѣли вдоль сливы. Голова была повязана синимъ же шерстянымъ платкомъ, а на плечи была накинута черная шерстяная кофточка. Въ правой рукѣ держала она большой черный мужской зонтикъ, защищавшій ее отъ дождя, а лѣвою приподнимала довольно высоко заднія полотнища платья и бѣлыхъ юбокъ, хотя и платье и юбки были достаточно коротки чтобы не волочиться по лужамъ совершенно мокраго тротуара.

Погода въ этотъ день была осенняя, чисто петербургская. Съ утра еще какая-то туманная, сѣростальная мгла висѣла надъ кровлями домовъ, и изъ этой мглы, отражающей свѣтъ газовыхъ фонарей какъ зарево небольшого пожара, падала постоянно мелкими каплями какая-то сырость которую гнало довольно порывистый западный вѣтеръ прямо въ лицо дѣвушки, седшей по тротуару Николаевской улицы.

Улица была почти пуста; рѣдкіе прохожіе, всѣ подъ зонтиками, слѣшили куда-то шагая по лужамъ отражавшимъ лучи газовыхъ фонарей. Меланхолично проходили солдаты съ разносными кнѣжками подъ мышкой, не обращая никакого вниманія ни на мокроту снизу, ни на сырость сверху.

Задумчивыя лица ихъ такъ и говорили что исполняя механически обязанности службы и шагая въ такую погоду для того чтобы доставить изъ одного караула въ другой никому не нужную бумагу съ вѣчною фразой что въ караулѣ все обстоитъ благополучно, они остаются вполакъ равнодушными и къ донесенію, и къ благополучію, и къ отвратительной погодѣ. Сбоку улицы двигались и стояли незанятые извожники, дремающіе на своихъ пролеткахъ, лоснящихся отъ мокроты при свѣтѣ газа.

Дѣвушка повернула направо въ Дмитровскій переулокъ, а затѣмъ налѣво въ Поварской, и только пройдя половину его, начала внимательно разсматривать при тускломъ свѣтѣ фонарей четные номера домовъ съ правой стороны переулка. Но номера были плохо видны. Петербургъ не можетъ похвастать хорошимъ ночнымъ освѣщеніемъ.

Два раза уже останавливалась дѣвушка и спрашивалась у дворниковъ о номерахъ домовъ.

Въ то время дворники Петербурга были уже приведены въ тотъ дисциплинарный порядокъ который отразился весьма чувствительно надбавкой на цѣности квартиръ, но зато всякаго рода справки получались безъ затрудненія; правда что съ такою же легкостію получались нерѣдко отъ дворниковъ и неожиданныя грубости, а иногда и толчки.

Наконецъ у желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ очень большаго дома, дворникъ въ полушубкѣ сидѣвшій на лавкѣ около открытой каалитки, отвѣтилъ утвердительно на вопросъ дѣвушки.

— А гдѣ квартира № 33?

— Да тебѣ кого же надо?

— Да мнѣ надо № 33, Солдатову.

— Такъ бы и говорила. Стулай чрезъ дворъ, въ правый уголъ, тамъ крылечко, по лѣстницѣ поднимаешься до третьяго этажа, направо дверь и будетъ № 33. Тамъ Пелагея Мартынова Солдатова и будетъ.

— Спасибо, отвѣтила дѣвушка и сложивъ зонтикъ, собралась уже перешагнуть желѣзный порогъ каалитки, какъ услышала позади себя голосъ дворника.

— На чай бы сѣдовало, вить погода какал.

Дѣвушка остановилась, вынула портмоне и дала дворнику двадцать копѣекъ.

При свѣтѣ фонаря, дворникъ замѣтилъ что портмоне былъ бархатный, небольшой но нарядный какихъ не имѣютъ дѣвушки въ платочкахъ на головахъ. Да и двугривенниковъ не выдаютъ такіа дѣвушки.

— Благодаримъ покорно, барышня, сказалъ онъ снявъ шапку;—извольте по лѣстницѣ держаться ручкой за перила, а то больно крута и на поворотахъ есть по двѣ ступеньки внизъ, а тамъ опять вверхъ. Не въ добрый часъ, остулиться можно.

У № 33 дѣвушка позвонила: дверь тотчасъ же отворилась и за нею показалась женская фигура держащая въ рукѣ зажженную старинную свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

— Здѣсь Михайло Лобовъ? спросила пришедшая.

Только утвердительнымъ кивкомъ головы и жестомъ руки, приглашающимъ войти, отвѣчала женщина со свѣчкой.

Въ маленькой передней дѣвушка сняла съ себя кофту, шарфъ, платочекъ съ головы и оказалась Еленой Трофимовной Рыбиной, въ старомъ сильно потертомъ платьѣ, хотя и шелковомъ, но явно купленномъ у торговекъ старьемъ.

— Вы госпожа Солдатова? спросила Елена.

— Да, я Солдатова, отвѣчала женщина со свѣчей.

Съ удивленіемъ взглянула на нее Елена. Ее поразила голость женщины, грубый, мужской, почти бая. Солдатовой казалось лѣтъ двадцать шесть, двадцать семь. На ней была темносиняя съ косымъ воротникомъ блуза, застегнутая большими черными костяными пуговицами; ни на шеѣ, ни у края рукавовъ не выдавалось никакого бѣлья. Весь передъ блузы былъ въ жирныхъ пятнахъ; можно было подумать что она только-что работала при какой-нибудь машинѣ изобильно смазанной саломъ. Не подлежало сомнѣнію что блуза и подъ нею сорочка составляли весь костюмъ ея, остальные принадлежности дамскаго туалета были *нигилизированы*. Но нарядность столь экономически облаченной женщины не страдала отъ недостатка украшеній. Высокая ростомъ, плотно сложенная, съ красиво выдающеюся грудью, широкая въ бедрахъ, но узкая въ талии, съ руками до того толстыми сверху что изъ каждой можно было бы сдѣлать двѣ ноги щелушному нѣмецкому франту, эта женщина напоминала колоссальную статую *Bavaria* въ Мюнхенѣ.

Особенно поражала она съ перваго взгляда богатою растительностью на головѣ. Темные волосы начинались очень

близко отъ густыхъ бровей. На верхней губѣ были зачатки усиковъ, une tentation de moustaches, suivie d'une légère exécution. Ея носъ былъ бы красивъ еслибы не былъ слишкомъ вздернутъ вверхъ; ея ротъ былъ бы не дуренъ еслибы губы не были до того толсты что не умѣщались въ опредѣленномъ для нихъ мѣстѣ, а выдавались впередъ. Вообще въ наружности этой женщины все было утрировано. Природа, создавая ее, собиралась какъ будто бы произвести что-то красивое, но ужь очень поусердствовала и хватала черезъ край. Этотъ характеръ изощества повторился въ ней не только во внѣшности, но и во внутреннихъ качествахъ.

Пелагія Солдатова по явленному въ полиціи виду значилась законною женой сызранскаго мѣщанина Николая Михайлова Солдатова, но въ дѣйствительности была незамужнею дочерью дьякона и настоящее ея имя было Марья Воздвиженская.

У дьякона, ея отца, было восемь дочерей. Изъ нихъ старшая вышла замужъ за богатаго купца жившаго въ Саратовѣ, сдѣдовавшия за нею пять сестрицъ тоже вышли, кто за кого. Въ числѣ ихъ были и мѣщанки, и крестьянки, и духовнаго званія; седьмая жила въ Петербургѣ у немолодаго холостяка, статскаго генерала домохозяйкой; послѣдняя, Марья, оставалась дѣвушкой. Старшая сестра ея, та что была за богатымъ саратовскимъ купцомъ, взяла ее къ себѣ одиннадцатилѣтнею дѣвочкой послѣ смерти ихъ отца, дьякона. Но держать дѣвочку въ домѣ при себѣ мужъ ей не позволялъ, и она отдала ее въ одинъ изъ саратовскихъ женскихъ пансіоновъ не приходящую, а какъ говорится на полный пансіонъ.

Маша оказалась весьма способною дѣвочкой, училась лучше всѣхъ въ своемъ классѣ и считалась очень хорошенькою. Дѣйствительно, ребенкомъ она была удивительно хороша, но съ четырнадцатилѣтнаго возраста начала дуриѣть, черты ея огрубѣли, и восемнадцати лѣтъ она представляла собою не то женщину, не то мушину. Ея голосъ изъ пріятнаго контраalto перешелъ въ мужской грубый басъ; ея красивыя брови до того нависли надъ глазами что она всегда смотрѣла изъ подлобья; она очень выросла и сдѣлалась неловкою, потеряла женскую грацію и вообще сдѣлалась болѣе похожею на дьякона, отца ея, чѣмъ на молоденькую дѣвушку, его дочь.

То же перерожденіе, если можно такъ выразиться, послѣдовало и съ умственною ея стороною.

Курсы саратовскаго пансіона, конечно, не удовлетворили ея. Ей хотѣлось продолжать учебу далѣе. Такимъ успѣхамъ и такому желанію учиться не могла порадоваться сестра Маши, куличиха.

— Тебѣ придется самой зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный, говорила она ей;—сегодня я жива, завтра нѣтъ. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. А какъ меня не станетъ, на моего Федора Наумыча не разчитывай. Пока я жива буду тебя поддерживать, а тамъ ходи ужь на своихъ ногахъ. Надо тебѣ по теперешнему времени всѣ науки произойти и получить право опредѣлиться въ *губернанти*, дѣтей учить. Твой пансіонъ правъ такихъ не даетъ.

Продолжать учебныя занятія было самымъ ревностнымъ желаніемъ способной, любознательной Маши, а потому она съ восторгомъ согласилась на предложеніе ѣхать въ Петербургъ, слушать курсы учрежденныя въ семидесятыхъ годахъ при пятой Петербургской гимназіи. Сестра назначила ей изъ своихъ средствъ по шестидесяти рублей въ мѣсяць и отправила въ Петербургъ къ другой сестрѣ, седьмой по хронологическому порядку, жившей хозяйкой у стараго холостяка, статскаго генерала въ отставкѣ.

Незаконное положеніе ея сестры нисколько не стѣсняло семнадцатилѣтнюю Машу. Она до такой степени мало думала о семейной жизни, о природномъ назначеніи женщины сдѣлаться женой и матерью, такъ увлекалась идеями и познаніями совсѣмъ выходящими изъ сферы женской дѣятельности что на образъ жизни обѣихъ сестеръ своихъ: законной жены богатаго купца и незаконной сожительницы стараго холостяка, смотрѣла съ реальной точки зрѣнія и находила что младшая сестра, хозяйка, была несравненно счастливѣе старшей, законной жены, уже однимъ тѣмъ что во всякое время могла бросить своего сожителя.

Не трудно представить себѣ какія превратныя понятія о взаимныхъ отношеніяхъ обочь половъ и о семейной жизни сложились въ головѣ дѣвушки. У стараго холостяка прожила она съ сестрой не болѣе года, а затѣмъ переехала на квартиру куда-то на Пески и поселилась вмѣстѣ съ двумя другими курсистками. Сестра ея и не удерживала. Она начала замѣчать что ея старичекъ очень ужь пристально началъ заглядываться на пышное тѣлосложеніе незаконной сожителицы.

Пройдя гимназическіе курсы съ блестящимъ успѣхомъ когда ей было всего двадцать лѣтъ, Маша предвзяла чтенію книгъ и статей серіознаго содержанія, увлекалась Лассалемъ, Дарвиномъ, конечно, мало уразумѣвая ихъ; наконецъ пришла къ убѣжденію, какъ-то вдругъ поняла что она собственно говоря ничего не знаетъ, что все чѣмъ набилъ ей голову есть только сырой матеріалъ, изъ котораго и надо выработать систематически настоящія познанія; что мозгъ ея, послѣ проглоченныхъ ею курсовъ, есть не болѣе какъ магазинъ, гдѣ безо всякой системы свалены въ видѣ запаса различнаго рода данныя, необходимыя для ученія и что настоящее ученіе, настоящее мозговое развитіе, теперь только и начинается.

Въ тѣ годы была мода, какъ всегда бывають на Руси какія-либо моды въ родѣ эпидемій, вѣхать доучиваться въ Цюрихъ. И Машу потянуло туда же.

Давно оторванная ото всякихъ семейныхъ связей, живя жизнью студентовъ, Маша не могла и вообразить себя въ роли жены, хозяйки и матери. Роль эту она презирала и называла назначеніемъ наѣдки въ душномъ семейномъ курятникѣ. Софизмы железской сволочи открывали предъ очарованною дѣвушкой новую обширную и заманчивую сферу труда; ставила ее на почву казавшуюся ей прочною; создавали для нея арену которой ей недоставало и разрѣшали, такъ по крайней мѣрѣ ей казалось, всѣ тяжкія сомнѣнія, мучившія ея мужской умъ вложенный случайно въ женское, кипучее жизнiю тѣло. Два начала, въ ней дѣйствовавшія всегда враждебно одно къ другому, такимъ способомъ мирились, и вышла изъ такой переработки женщина-соціалка, членъ русской соціально-революціонной партіи, агитаторъ и пропагандистъ.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ она возвратилась въ Россію въ одно время съ Сабанинымъ, Морозовымъ и другими. Соціально-революціонная партія направила ее пропагандировать въ Уральское казачье войско, гдѣ, по мнѣнію газетъ не только иностранныхъ, но отчасти и русскихъ, происходила чуть не революція. Журнальная „пресса“ не объясняла публикѣ въ чемъ именно заключалось движеніе умовъ на Уралѣ; она довольствовалась повтореніемъ различныхъ толковъ ходившихъ въ публикѣ о какихъ-то ошибкахъ соціальнаго мѣстнаго начальства, о неумѣлыхъ его приѣмахъ и тому подобныхъ обвиненій.

И Воздвиженская, посланная въ народъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дѣателями пропаганды, не имѣла понятія о людяхъ которымъ она несла, какъ пчела несетъ медъ, ученіе долженствующее, по мнѣнію жемеровскихъ вершителей судьбы Россіи, облагодѣтельствовать край.

Всѣмъ пошедшимъ въ народъ была выдана для руководства подробная программа, въ которой главными основаніями были цѣли прямо революціонныя. Надежда возмутить народъ:

„Поднять умственный и нравственный уровень массъ, развить общинные инстинкты и наклонности которыя существуютъ въ народѣ до социалистическихъ инстинктовъ и привычекъ.

„Разъяснить народу всю крайнюю неудовлетворительность существующаго государственнаго и общественнаго строя основаннаго на несправедливомъ распредѣленіи труда и капитала.

„Истоковать ему принципы всеобщаго равенства, устраненіе господства капитала надъ трудомъ и рабства послѣдняго предъ первымъ. Добиться чтобы весь народъ вмѣстѣ съ социалистами-революціонерами объявилъ войну правительству.“

Какъ средство достиженія цѣли данъ былъ совѣтъ: увѣрить Русскій народъ что онъ несчастливъ, что онъ страдаетъ, что вся земля искони принадлежала простому народу и должна и впредь принадлежать ему, что платежи податей и сборовъ, а также повинности разнаго рода, лежатъ всею тяжестью на простомъ народѣ, безсовѣстно эксплуатируемомъ высшими классами, и что виной всѣхъ народныхъ бѣдъ правительство, противъ котораго и надежить всему народу ополчиться и возстать.

Съ такою программой явилась Воздвиженская въ одной изъ станицъ Уральскаго войска.

Собрались старички послушать благовѣстительницу золотого вѣка.

— Отдали у васъ дворяне и правительство всю землю, которая должна принадлежать вамъ однимъ, ораторствовала Воздвиженская.— Вы бѣдны потому что у васъ земли мало. Вся она въ чужихъ рукахъ, а она должна быть ваша.

— Такъ, такъ, отвѣчали казаки, у которыхъ приходится по нѣскольку сотъ десятинъ на душу и которые не знаютъ

что дѣлать съ такою массою земли;—такъ! не худо бы намъ получить всю между-узенскую полосу. Но чтобы у насъ кто отнималъ землю, этого не бывало; вся земля скрозь, вся наша, вся казачья, принадлежитъ Уральскому войску всему сообщу. На то есть у насъ и грамота императрицы Елисаветы Петровны. Она матушка насъ землей по Яику пожаловать изволила. Съ тѣхъ самыхъ поръ земля вся наша, заставай гдѣ хочешь, на то есть у насъ хозяйственное правленіе, наблюдаетъ чтобы справедливость была по нашимъ обычаямъ.

Очень удивилась Маша что общность земледѣлія, о которой мечтали Прудонъ и К^о, въ Уральскомъ войскѣ давно уже осуществлена.

— А хозяйственное ваше правленіе изъ кого же состоитъ? спросила Маша.

— Изъ нашихъ же офицеровъ и простыхъ казаковъ, какъ атаманъ укажетъ.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда ваша: какъ атаманъ! Сами вы должны указывать депутатовъ въ собраніе, сами выбирать ихъ по большинству голосовъ, по запискамъ.

— Не желаемъ мы этого, отвѣчали казаки хоромъ.

Еще болѣе удивленная социалистка-пропагандистка узнала что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было обнародовано новое положеніе для уральскихъ казаковъ, которымъ постановлено было чтобы въ члены хозяйственнаго правленія выбирали казаки каждой станицы своихъ депутатовъ по запискамъ и по большинству голосовъ, но что почти повсемѣстно казаки отказались отъ права выбора и никакихъ записокъ подавать не согласнась.

Вышло маленькое недоразумѣніе.

Возмутительница народа противъ правительства совѣтовала казакамъ исполнить именно то чего требовало начальство и чего исполнить они не соглашались.

— Почему же не хотите вы дѣлать выборовъ и подавать записки съ вашими голосами? спросила Маша.

— Не желаемъ! отвѣтили казаки.—Кто свою руку на томъ листу приложить, тотъ значить отрекается отъ вѣры отцовъ своихъ и дѣлается щелотникомъ*.

* Большинство уральскихъ казаковъ приверженцы старой вѣры. Православный способъ слагать пальцы для креста они называютъ слагать щелотью.

„Какое фальшивое положеніе! съ досадою подумала Маша. Не слѣдовало дотрогиваться до этого вопроса; попробуемъ что-нибудь другое.“

Слѣдуя программѣ, она начала развивать идею о тяготѣ, несправедливости и несоразмѣрности налоговъ.

— Да никакихъ денежныхъ повинностей, ни подушныхъ, ни поземельныхъ мы и не платимъ. За то *обязаны* мы службой, поставаемъ полки когда царь потребуетъ.

— Это все равно, горячилась социалистка, видя что и до этого вопроса дотрогиваться не слѣдовало.—Служба, которою вы обязаны, должна быть разложена одинаково на всѣхъ, а ужъ вѣрно начальство возложило всю тягость службы на однихъ бѣдныхъ и избавило отъ нея богатыхъ. Всѣ казаки должны пройти одинаково военную службу.

— Не *успели* мы этого, опять загадѣла казаки хоромъ.

Къ большому еще изумленію узнала пропагандистка что новое положеніе постановило чтобы всѣ казаки проходили службу, если и не въ полкахъ отправляющихся за предѣлы Войска, то по крайней мѣрѣ одинъ годъ въ учебной сотнѣ, но что многіе казаки не хотѣли исполнить такое постановленіе новаго положенія.

— Отчего не хотите вы служить наравнѣ съ прочими? недоумѣвая спрашивала она казаковъ.

— Не *успели* мы облакаться въ *мундеры* и прицѣплять на себя смертоносное оружіе. Ни одного угодника Божія не изображено въ мундэрѣ. Такъ идетъ ужъ отъ отцовъ нашихъ и такъ передадимъ мы и сынамъ нашимъ*.

Выходило полнѣйшее фіаско. Посланицѣ женевакихъ вершителей оставалось сойти со сцены, но ее до того бѣснла неудача что она уже утратила спокойствіе духа, необходимое для вѣрной оцѣнки положенія въ которомъ сама находилась, и потому, безо всякой логической связи съ предыдущимъ, начала дерзко отзываться о Верховной Власти, которой требованія только что предъ тѣмъ поддерживала, хотя и противъ собственной воли.

На этотъ разъ казаки не дали ей договорить и первой трескучей фразы.

* Отвѣты Уральцевъ, здѣсь приведенные, авторъ слышалъ отъ нихъ самихъ.

— Мы у батюшки царя нашего *перво* войско, кричали они.— За Государя мы всё до послѣдней капли крови ляжемъ, такъ и законъ нашъ вѣрить и такъ отъ отцовъ и дѣдовъ намъ завѣщано. Не бунтовщики мы какіе, а вѣрные подданные нашему Отцу-Царю Александру Николаевичу. А вы, сударыня, такихъ словъ непригодныхъ при насъ говорить не извольте. Мы новаго положенія не *желаемъ* и не *примемъ*, а подданные мы вѣрные, Царю нашему не измѣнники.

Разбитая на всѣхъ пунктахъ, ушла сконфуженная пропаганда ко вдовѣ у которой остановилась. Но претерпѣннымъ на сходѣ фиаско не окончилась еще неуспѣхъ и не окончились бѣды этого несчастнаго дебюта Маши Воздвиженской на опасномъ поприщѣ социально-революціонной пропаганды. Въ ту же ночь явился къ ней старичный атаманъ въ сопровожденіи понатыхъ. Было ей прочтено безграмотно составленное донесеніе обо всемъ что она говорила на сходѣ, сдѣланъ былъ у нея обыскъ, а извѣстно что казаки умѣютъ производить его лучше самыхъ опытныхъ полицменовъ всѣхъ европейскихъ столицъ, отобраны были у нея инструкціи, программы, записки, объявленія и прокламаціи, которыми снабдили ее вожаки социальной партіи, и къ утру доставили ее, со всѣмъ ея революціоннымъ арсеналомъ, въ Уральскъ въ руки войскового атамана *.

Разумѣется послѣдовали арестъ, слѣдствіе и судъ.

Милостивый монархъ-мученикъ повелѣлъ вмѣнить ей въ наказаніе продолжительное содержаніе подъ чрестомъ. Но милость великодушнѣйшаго изъ государей не исправила образа мыслей ожесточенной социалстки, которая не могла уже измѣнить пагубнаго направленія даннаго ей жизнью и сложившимися обстоятельствами. Она могла заниматься только *революціонными дѣлами*; ни къ чему другому она не была способна.

А тутъ еще находеніе подъ судомъ дало ей въ средѣ социально-революціонной партіи личное вліяніе и вѣсь, ея значеніе возвысилось, за нею было уже революціонное прошлое; она поднялась на нѣсколько ступеней по лѣстницѣ революціонной іерархіи, получила въ ней опредѣленное, какъ бы штатное мѣсто; должна была жить *нелегально*, а это есть

* Авторъ имѣлъ случай видѣть эту женщину арестованною въ Уральскѣ.

уже эмблема и некотораго значенія, какъ бы знакъ производства въ высшій чинъ. Мысль о выходѣ изъ партіи стала для нея уже невозможна и опасна.

Немедленно по полученіи свободы она перешла изъ фракціи *чернаго перепья* въ группу *народной воли*. Лѣтомъ 1879 года, послѣ Липецкаго съѣзда, она зачислилась въ партію *террористовъ*, познакомилась съ вожаками этой партіи и вновь сошлась съ Николаемъ Солдатовымъ, съ которымъ была не только знакома, но состояла въ близкихъ отношеніяхъ еще въ Женевѣ, когда онъ назывался своею фамиліей: Пономаревымъ.

Съ нимъ она теперь сожительствовала по фальшивому виду, подъ именемъ законной жены его Пелагеи Мартыновны, и у нихъ, въ двухъ заднихъ комнатахъ ихъ конспиративной квартиры въ Поварскомъ переулкѣ, собиралась уже не разъ для совѣщаній вожаки партіи и находилась тилографскій станокъ, на которомъ печатались подпольные листки и прокламаціи, причемъ Маша исполняла обязанность наборщика.

Со своей стороны, значившійся по фальшивому виду Николаемъ Михайловымъ Солдатовымъ, сызранскимъ мѣщаниномъ, былъ въ дѣйствительности отставной титулярный совѣтникъ Павелъ Дмитріевъ Пономаревъ. Онъ служилъ прежде чиновникомъ въ Туркестанѣ, присутствовалъ при взятіи Джузака, и тогда былъ худой, тощій, въ синихъ очкахъ чиновникъ, въ форменномъ полу-военномъ сюртукѣ. Въ то время онъ только болталъ всякій вздоръ и еще побаивался нагайки Батурина. Теперь онъ не только болталъ, но и дѣйствовалъ, и конечно въ томъ же анти-правительственномъ направленіи.

Ему было въ 1879 году 37 лѣтъ.

Сынъ бѣднаго, незначительнаго чиновника Кіевскаго губернскаго правленія, онъ съ юныхъ лѣтъ отличался сосредоточенностью и замкнутостью несвойственными мальчику. Въ гимназіи онъ учился не ровно, изъ языковъ получалъ верѣдько очень дурныя отмѣтки, но хорошо занимался математикой. Нельзя сказать чтобъ онъ сознавалъ въ себѣ влеченіе къ точнымъ наукамъ, но онъ привязался всею сосредоточенною душою своею къ учителю математики Лѣскову. Сосредоточенные, меланхолическаго темперамента дѣти склонны къ подобнымъ, иногда даже безпричиннымъ

пристрастіямъ. И Лѣсковъ полюбилъ Пономарева. Дружба тридцатисемилѣтняго учителя съ семнадцатилѣтнимъ ученикомъ отразилась пагубными послѣдствіями на мальчикѣ.

Лѣсковъ въ началѣ сороковыхъ годовъ слушалъ въ Берлинскомъ университетѣ курсы математики и философіи вмѣстѣ со многими русскими юношами, въ числѣ которыхъ былъ и отставной поручикъ артиллеріи Михаилъ Бакуинъ, съ которымъ Лѣсковъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ тѣ годы была мода ѣхать въ Берлинъ учиться философіи. Не прослушавъ профессоровъ Германіи, невозможно было повѣсть ни одной книги трактующей о предметахъ ученыхъ. Берлинскій университетъ сдѣлалъ изъ Лѣскова превосходнаго математика, но вмѣстѣ съ тѣмъ и завятаго либерала, свободно мыслящаго въ вопросахъ религіозныхъ и политическихъ. Съ необыкновеннымъ увлеченіемъ передавалъ Лѣсковъ внимательному слушающему его Пономареву не только хитрыя измышленія и софизмы коммунистовъ, но и общій историческій ходъ распространенія идей социализма въ Европѣ, какъ самъ онъ понималъ его, и конечно сулилъ при этомъ въ будущемъ общее распространеніе и укрѣпленіе ихъ въ массахъ народа и основаніе на прочныхъ началахъ золотого вѣка на землѣ. Лѣсковъ много работалъ, писалъ и печаталъ свои изслѣдованія по высшему анализу. По мѣрѣ распространенія его извѣстности возрастало въ немъ и честолюбіе, такъ что со времени знакомства съ Пономаревымъ въ мысляхъ его преобладали уже двѣ главныя черты: желаніе прославиться, честолюбіе, и догматы социально-революціонныя. Эти два стремленія онъ передалъ Пономареву, и встрѣтивъ въ меланхолическомъ темпераментѣ его готовую почву, развилъ въ немъ обѣ тенденціи до самозабвенія и такимъ образомъ приготовилъ изъ него нравственнаго урода, маньяка социализма и челоуѣка готоваго на всякое преступленіе въ рукахъ какого-нибудь Желябова. Въ головѣ учителя и въ познаніяхъ его было достаточно матеріала для прославленія его имени, для удовлетворенія его честолюбія; а у воспитанника его, Пономарева, не было ничего, ни имени, ни связей, ни состоянія, ни особыхъ способностей, ни положительныхъ познаній. Нечѣмъ было ни похвастать, ни прославиться, а честолюбіе и самолюбіе были гигантскія.

Кто же былъ виноватъ что Пономаревъ по окончаніи съ грѣхомъ пополамъ курса гимназіи не получилъ сейчасъ же

высокаго назначенія съ властью, вліяніемъ и большимъ содержаніемъ? По мнѣнію его, конечно правительство, которое не умѣло оцѣнить такого человѣка какъ Пономаревъ. И потому, долой такое правительство! Ote-toi de là pour que je m'y mette.

До семьдесятъ девятаго года Пономаревъ ни въ чемъ еще не попался, не былъ замѣшенъ ни въ одно судебное политическое дѣло, не имѣлъ еще того революціоннаго прошлаго которымъ уже обладала Воздвиженская, но онъ, тѣмъ не менѣе, отрекся отъ своего имени и жилъ *нелегально*, какъ выражаются русскіе социаллисты, то-есть съ поддѣльнымъ видомъ на имя Николая Михайловича Солдатова. Такъ поступилъ онъ изъ честолюбія. Члены социальна-революціонной партіи живущіе нелегально, представляютъ въ рядахъ партіи что-то въ родѣ офицеровъ, а живущіе легально суть рядовые, и какъ бы только оглашенные. Число такихъ офицеровъ не можетъ быть велико, и вожакамъ партіи, генераламъ отъ социализма они всѣ извѣстны. Имена ихъ фигурируютъ почти во всѣхъ политическихъ судебныхъ разбирательствахъ; но масса рядовыхъ представляла въ то время нѣчто крайне неопредѣленное. Нельзя было сказать гдѣ эта масса начиналась и гдѣ она кончалась. Конечно, въ передовыхъ линіяхъ стояли нѣсколько лицъ уже замѣшанныхъ въ темныя продѣлки партіи, какъ напримѣръ, Лобовъ, Елена, Бирюзова, уже извѣстныхъ главнымъ вожакамъ, но еще не посвященныхъ въ тайны общества, а за ними шла всѣ еще никому не извѣстная и ни въ какіе списки не внесенная личность, которая болтовней своей или писаніями подавала надежду что они уже готовы причислиться къ адептамъ той же партіи. Такъ вожаки причисляли къ своимъ: людей пришедшихъ въ телачій восторгъ отъ вердикта оправдавшаго Засуличъ; молодежь первоклассныхъ учебныхъ заведеній занимавшуюся болѣе сходками чѣмъ лекціями; адвокатовъ защищавшихъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ всякаго рода виновеніе властямъ; корреспондентовъ сочинявшихъ всякія клеветы съ цѣлью роить въ глазахъ народа достоинство правительственныхъ лицъ и тому подобныхъ. Въ этой массѣ болтуновъ и недобросовѣстныхъ писакъ раскидывали вожаки социальна-революціоннаго общества сѣти свои, но удачнымъ удомомъ врядъ ли могли они похвастать. Болтать вздоръ и

писать клеветы было въ то время опасно и на такое занятіе охотниковъ было много; но связываться съ уголовщиной—нѣтъ! Дѣло слишкомъ серьезное! А потому ловились люди озлобленные, какъ Лобовъ, сбитые съ пути какъ Маша Воздвиженская, интригантки какъ Елена; люди которымъ терять было нечего и несчастная, неопытная и увлекающаяся молодежь оторванная отъ семьи и съ юныхъ лѣтъ предоставленная самой себѣ и вредному влиянію говоруновъ. Попадъ однажды въ сѣти, нѣкоторые молодые люди понимали наконецъ вѣрно ошибку свою, но какъ ни старались выпутаться изъ сѣтей, ужь не могли этого сдѣлать.

Понятно что честолюбивый Пономаревъ не хотѣлъ оставаться неопредѣленное время рядовымъ. Онъ послѣдшилъ перейти въ положеніе нелегальное и потому удостоился довѣренности такихъ свѣталъ, какимъ былъ, напримѣръ, Желябовъ. Какой-нибудь Лобовъ живущій легально подъ своимъ именемъ долженъ былъ смотрѣть на него, Пономарева, съ уваженіемъ, какъ на опаснаго для правительства конспиратора.

Пономаревъ имѣлъ еще и третье имя. Товарища его партіи называли его *Айборода*, и весьма многіе изъ нихъ, даже значительное большинство знали его только подъ этимъ прозвищемъ.

Налѣво отъ небольшой передней, куда вошла Елена и гдѣ снимала она съ себя маскарадные атрибуты простой дѣвушки, была маленькая кухня, отдѣлявшаяся отъ передней перегородкой недоходившею до потолка. Солдатовы не держали присауги. Она сама ходила ежедневно за провизіей, сама готовила обѣдъ, сама убирала комнаты, ставила самоваръ, только дрова приносилъ ей дворникъ; остальное, даже топка печей, лежало на ея обязанности. Да и большую часть денегъ потребныхъ на хозяйство добывала она, занимаясь по знакомымъ ей домамъ въ подевныя швыи. Такъ, между прочимъ, работала она и у Бирюзовыхъ. Самъ Солдатовъ зарабатывать денегъ не умѣлъ, но получалъ изъ революціоннаго фонда по тридцати шести рублей ежемѣсячной субсидіи, которую самъ себѣ отсчитывалъ изъ денегъ получаемыхъ имъ въ качествѣ казначея фонда фракціи *народной воли*.

Прямо изъ передней была небольшая зала съ двумя окнами на дворъ. Въ одномъ углу залы висѣли три иконы съ

важжекою предъ ними лампадой, а по стѣнамъ—портреты нѣкоторыхъ членовъ Августѣйшей Фамиліи и нѣсколько олеографическихъ картинъ изображающихъ различные пейзажи. Безпорядокъ, нечистота, разбросанные повсюду окурки папирозъ, пыль по столамъ, какой-то лаутинный общій тонъ комнаты и запахъ табачнаго дыма вмѣстѣ съ перегорѣлымъ масломъ, керосиномъ и мытымъ бѣльемъ произвели на Елену удручающее дѣйствіе. Ей сдавило горло, и кровь бросилась въ лицо.

У стѣны противоположной входу, возсѣдалъ на диванѣ обитомъ синимъ бараканомъ самъ хозяинъ: Павелъ Дмитриевичъ Пономаревъ, онъ же Николай Михайловичъ Солодатовъ.

Сильно измѣнился Пономаревъ со времени Джузакскаго штурма. Трудно было бы въ этомъ довольно толстомъ и плѣшивомъ господинѣ узнать бывшаго тринадцать лѣтъ тому назадъ худенькаго съ густою и длинною шевелюрой чиновника. Оставивъ службу въ Туркестанѣ въ 1867 году, онъ долго оставался безъ мѣста и безъ занятій, шаялся по приволжскимъ городамъ и селамъ, былъ короткое время чиновникомъ почтоваго вѣдомства, потомъ писаремъ въ конторѣ на какомъ-то заводѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, затѣмъ гдѣ-то пропалъ съ цѣлою компаніей разносителей фальшивыхъ грамотъ за золотую печатью, наконецъ вынырнулъ изъ этого темнаго моря писаремъ одной самарской волости, пролазилъ опять нѣсколько мѣсяцевъ и вдругъ очутился служащимъ на довольно значительномъ содержаніи въ конторѣ рыбныхъ промысловъ на берегу Каспійскаго моря, у извѣстнаго богача живущаго постоянно въ Петербургѣ. Такъ скитался онъ четыре года. На послѣднемъ мѣстѣ ему удалось скопить нѣсколько тыщенокъ рублей, на которыя въ 1871 году онъ и отправился въ Женеву. Тамъ деньги его поступили въ коммуна, и до 1874 года онъ прожилъ тѣми случайными средствами которыя коммуна добывала, ловя въ сѣти свои разныхъ богатенькихъ осетровъ привѣзавшихъ изъ Россіи и желающихъ присутствовать на засѣданіяхъ русскихъ передовыхъ людей. Въ тѣ годы была мода и на это.

Выскакивались не только мужчины, но даже барыни и барышня хорошаго тона, которыя ощущали особенное удовольствіе присутствовать на засѣданіяхъ гдѣ различныя грязныя проходимцы, въ родѣ Пономарева, въ рѣчахъ своихъ съ необык-

новеннымъ цинизмомъ, нельзя сказать бравада, нѣтъ, но ругательски ругали ихъ же самихъ, присутствующихъ на за-сѣданіяхъ барынь и барышень, ихъ отцовъ, мужей, всю ихъ родню и все сословіе къ которому онѣ принадлежали. За удовольствіе быть обруганными въ самыхъ площадныхъ выраженіяхъ онѣ дорого платили пожертвованіями въ фондъ коммуны. Такова была всемогущая мода.

Отъ долгаго хожденія по мѣсямъ и дебрямъ приволжскаго края съ золотыми грамотами, Пономаревъ заболѣлъ тифомъ, чуть не умеръ въ городской больницѣ Саратова и полатался своею богатою шведяурой; у него вылезли волосы, но по мѣрѣ того какъ темя его обнажалось, волосы выросли на подбородкѣ и на щекахъ, такъ что когда онъ вышелъ изъ больницы его нельзя было узнать. Въ больницу поступилъ юноша съ длинными волосами на головѣ, но безъ признаковъ бороды, усовъ и бакенбардъ, а вышелъ сильно состарѣвшійся человѣкъ, совершенно лѣшивый, но съ окладистою бородой и съ длинными усами. Тотчасъ послѣ тифа онъ началъ видимо толстѣть, въ особенности въ Женевѣ, гдѣ близко сошелся съ Воздвиженскою и жилъ на ея хлѣбахъ.

Еленѣ онъ съ перваго взгляда чрезвычайно не понравился и чѣмъ болѣе она слушала его, тѣмъ больше чувствовала къ нему омерзенеіе, какое ощущаетъ человѣкъ при видѣ ядовитой гадяцы. Изъ передней въ залу вошла она одна; Сода-това осталась въ кухнѣ занятая приготовленіемъ самовара. Не успѣла Елена перешагнуть порогъ двери и окинуть бѣглымъ взоромъ комнату какъ увидѣла направленныя на нее два круглыя темныя стекла очковъ, словно два жерла пушекъ.

— Это ваша Рыбина? произнесъ громко носитель очковъ, указывая пальцемъ на вошедшую Елену и адресуясь къ Лобову, который сидѣлъ съ палароской въ зубахъ по другую сторону овальнаго стола предъ синимъ диваномъ.

Лобовъ сидѣлъ спиной къ двери изъ передней и не замѣтилъ какъ вошла Елена. Оборотясь и увидя вошедшую дѣвушку, Лобовъ вскочилъ со стула, подошелъ къ ней, протянулъ руку и учтиво поздоровался. Затѣмъ не выпуская ея руки изъ своей, собирався подвести ее къ овальному столу и позва-комить съ Пономаревымъ, но не успѣвъ разинуть рта какъ тотъ заговорилъ самъ.

— Вы Рыбина? Здравствуйте, садитесь вот сюда на стулъ, будете гостемъ. Покалякаемъ и познакоимся. Отца вашего знавалъ.

Не произнося ни слова и довольная хоть тѣмъ что эта гадина не протянула ей грязную лапу свою, сѣла Елена на стулъ на которомъ предъ тѣмъ сидѣлъ Любовь.

Пономаревъ не могъ не замѣтить этого чувства гадливости въ Еленѣ. Но онъ повидимому не обижался неприятнымъ ощущеніемъ которое возбуждали какъ его собственная персона, такъ и грязная, воючая его берлога. Усмѣшка его по крайней мѣрѣ какъ бы говорила: какъ у меня ни скверно, а все-таки пришлось тебѣ сидѣть тутъ, потому что въ навозной кучѣ ищешь брилліанта, знаешь что онъ тутъ.

Пономаревъ, надо замѣтить, съ тѣхъ поръ какъ жилъ нелегально и имѣлъ въ заднихъ комнатахъ своей квартиры типографскій станокъ, доходилъ до такого градуса конспиративнаго самоуваженія что воображалъ себя однимъ изъ бластательныхъ свѣточей социализма. Ему казалось что всѣ уже прославленные социалисты Европы знали и уважали его, и конечно не упустили бы случая посѣтить его, какъ посѣщали путешественники нѣкогда Вольтера, Дидеро, потомъ Гарибальди.

Хотя ему отчасти было уже извѣстно что именно привлекало къ нему посѣтительницу, но все же въ душѣ своей онъ былъ увѣренъ что Елена, еще неопитка русской социально-революціонной партіи, сама искала случая видѣть и слышать такого заслуженнаго, покрытаго шевронами и славою конспиратора, каковъ былъ онъ. А потому, тономъ учителя, одобряющаго ученицу и похваляющаго ее за хорошее поведеніе, сказалъ ей:

— Ловкую штуку удрали вы, Рыбина, со статсъ-секретаремъ и его портфелемъ; для начинающей—чистая работа, одобряю. Вы настоящая сирена; такихъ намъ и нужно. Приходится часто имѣть дѣло съ людьми ладкими на красу природы какъ графъ Трояновскій. А у васъ, по этой части, ай люди! Есть чѣмъ одурманить. Одобряю, совсѣмъ одобряю. И какъ я слышалъ, его сіятельство остался въ дурачкахъ...

— Я бы просила васъ, господишь... прервала его Елена, но остановилась, не зная какую фамиліей назвать сидѣвшаго предъ ней многоименника.

— Совсѣмъ въ дурачкахъ.. продолжалъ Пономаревъ и началъ предлагать ей такіе дичиные вопросы что не только она, не совсѣмъ понимавшая его, но и Любовь сидѣла какъ на иголкахъ, потулась и краснѣла.

Не получая никакой реплики на свои грязныя инсинуаціи, Пономаревъ самодовольно улыбался. Онъ не сводилъ съ Елены круглыхъ, синихъ очковъ своихъ, блестящихъ отъ свѣта стоящей на столѣ лампы какъ два круглые фонаря которыхъ свѣтъ проникалъ въ самую глубину ея совѣсти, и все тѣмъ же тономъ учителя продолжалъ:

— Что жь молчите Рыбина, или вы не привыкли еще говорить человѣческимъ языкомъ и называть вещи своими именами. Пора отрѣшиться, между нами, отъ обветшавой, рутинной фразеологіи, а то поступки ваша одно, а имена которыми вы ихъ называете—другое.

Въ эту минуту въ дверяхъ изъ передней показалась Маша съ самоваромъ въ рукахъ. У стѣны, вальво отъ входной двери изъ передней, стоялъ раскрытый карточный столъ, съ цвѣтною лиловою скатертью. Вокругъ стола—легкіе плетеные стулья и некрашенный деревянный табуретъ на который Маша и поставила самоваръ. На столѣ приготовлены были на подносѣ, уже сильно пострадавшемъ отъ долгаго употребленія, стаканы на разнообразныхъ блюдечкахъ, съ чайными ложками фальшиваго серебра, и чайникъ, а около подноса на скатерти находились: полфунта чаю въ красной оберточной бумагѣ, колотый сахаръ въ глубокой тарелкѣ и три французскіе длинные хлѣба. Когда всѣ устѣлись къ чаю, Солдатова перенесла на чайный столъ и лампу стоявшую на овальномъ столѣ предъ диваномъ.

Разговоръ обратился къ политикѣ. Заговоривъ о дѣйствіяхъ Англичанъ въ Індіи, Любовь незамѣтно перевелъ разговоръ на прежнія событія въ Туркестанѣ и увлекъ Пономарева въ разказъ о взятіи Джузакъ, о присутствіи при русскихъ войскахъ англійскаго офицера Габсона и о романтической судьбѣ дочери одного изъ индійскихъ раджей, убитой въ Джузакѣ.

На вопросъ Елены о томъ что могло заставить молодого Англичанина отнестись съ такимъ сердечнымъ участіемъ къ сиротѣ, дочери Алайръ-Хана, Пономаревъ разказалъ что въ отрядѣ не сомнѣвались въ существованіи близкихъ отношеній между Габсономъ и матерью ребенка.

— Она была до бѣгства изъ Индіи любовницею Гибсона, говорилъ Пономаревъ увѣреннымъ тономъ.—Объ этомъ говорили тогда въ отрядѣ какъ о несомнѣнномъ фактѣ. Признаюсь, я мало тогда обращалъ вниманія на всѣ эти разказы, но помню что изъ-за нихъ произошла дуэль между казачьимъ офицеромъ Батуриннымъ и ротмистромъ Бжозовскимъ, теперь уже полковникомъ. У Бжозовскаго были даже въ рукахъ какія-то доказательства ихъ любовной связи, не помню хорошенько что именно.

— Гдѣ же теперь этотъ Бжозовскій? спросила Елена.

— Здѣсь, въ Петербургѣ. Да вы, Любовь, должны знать его, отвѣчалъ Пономаревъ, — онъ родной братъ Берюзовой, предъ которою стоитъ на заднихъ лапкахъ вашъ старикъ Петръ Трояновскій. Ты видишь его тамъ, у Берюзовой? спросилъ онъ Машу Воздвиженскую, не прикимавшую до тѣхъ поръ никакого участія въ разговорѣ.

— Встрѣчала этого вральмана, отвѣтила Маша голосомъ несравненно болѣе мужскимъ чѣмъ ласкавый голосъ Пономарева.—Если вы, Рыбина, захотите узнать отъ него истину, продолжала она обратясь уже непосредственно къ Еленѣ, — то поздравляю. Въ трехъ словахъ его всегда четыре лжи и клеветы.

— Я очень хотѣла бы узнать отъ него, какія именно доказательства имѣлъ онъ въ рукахъ о близкихъ отношеніяхъ Гибсона къ Индіянкѣ.

— У васъ, Рыбина, такая красивая рожица, пробасила на это Солдатовъ, — что онъ не только исполнитъ вашу просьбу, но сочинитъ и навретъ всякихъ доказательствъ еслибы даже и не имѣлъ ихъ.

— Онъ золотой человѣкъ, произнесъ Пономаревъ, перебирая пальцами густую бороду свою и засовывая волосы ея въ ротъ.—Малый онъ не глупый, находчивый, долго жилъ во Франціи и тамъ пропатазся весь нравами парижскаго общества тѣхъ годовъ когда Наполеонъ III сядѣлъ на уворованномъ престолѣ. Какъ есть мазурикъ и эгоистъ. Ужъ этотъ не оставовится ни предъ чѣмъ. Если потребуютъ его интересы, онъ способенъ не только обогатить любого человѣка, продать его самымъ предательскимъ манеромъ, но пожаауи и ножомъ вырвать, первому пріятелю кишки вылустить. Онъ нашъ и мы его держимъ между прочимъ для тѣхъ случаевъ когда надо угостить кого-нибудь лущенымъ въ

публику сенсационнымъ разказомъ о такихъ его дѣлахъ котораго ему и не снились. И всё вѣдь вѣрять, и чѣмъ глуше вранье тѣмъ скорѣе.

— Значить, вы полагаете, сказала Елена,—что слухъ о связи между Англичаниномъ и Индіанкой клевета.

— Ничего я не полагаю, отвѣтилъ Пономаревъ,—кромѣ того что вамъ нужно бы повидаться со Бжозовскимъ. Очень буду радъ если вы съ нимъ вдвоемъ что-нибудь напакастите Гибсону, терпѣть его не могу.

— Что такъ? вмѣшался въ разговоръ Лобовъ злобно улыбаясь.

— Не въ моемъ вкусѣ, отвѣчалъ Пономаревъ, скрививъ ротъ, не могу выносить этихъ молчаливыхъ гордецовъ; смотреть, слушаетъ и молчитъ, никогда не знаешь ли что онъ думаетъ, ни какъ онъ тебѣ: пріятель или непріятель? По мнѣ ужъ лучше ругайся, да только выскажись. Чвадливыи аристократиска, верхоглядъ, да еще пустой ханжа. А когда про кого-нибудь говорятъ: онъ аристократъ и ханжа, я всегда разумѣю: гордецъ и лицемеръ или еще иначе...

Елена вслыхнула, какъ будто грубыя слова Пономарева относились лично къ ней, а не къ постороннему человѣку. Она уже готова была оборвать какою-нибудь дерзкою выходкою говорившаго, но Лобовъ не далъ ей на то времени и послѣдовалъ прервать Пономарева.

— Какой же онъ аристократиска когда по доброй волѣ оставилъ военную службу и сдѣлаася купцомъ? и почему называете вы его ханжей? Онъ англійскій пуританинъ, а пуритане не ханжи, они люди убѣжденные и нравственные.

— Въ томъ-то и дѣло, горячился Пономаревъ,—что убѣжденія ихъ бессмысленны какъ и убѣжденія нашихъ монаховъ сосущихъ кровь народа, какъ впрочемъ и убѣжденія самого народа нашего для котораго...

— Да вы сами, Павелъ Дмитріевичъ, должны быть такихъ же убѣждений, вѣдь вы православный, сказалъ Лобовъ, старавшійся отвлечь Пономарева отъ щекотливаго разговора о Гибсонѣ и завести его на разглагольствованіе о немъ самомъ, что всегда составляло наипріятнѣйшую тему для хваставаго и самолюбиваго социалиста.

— Правда, я крещенъ въ православіе, отвѣтилъ онъ съ напускною хваставою торжественностью, какъ будто рѣчь шла о біографіи не вѣсть какого историческаго лица.—Я крещенъ

въ православіе, но православіе отрицаю, хотя сущность ученія Іисуса Христа признаю. Эта сущность ученія среди моихъ нравственныхъ убѣжденій занимаетъ почетное мѣсто. Я вѣрю въ истину и справедливость этого вѣроученія и торжественно признаю что вѣра безъ дѣлъ мертва есть и что всякій истинный христіанинъ долженъ бороться за правду, за права угнетенныхъ и слабыхъ и если нужно, то за нихъ и пострадать: такова моя вѣра. * А спросите у Гибсона какова его? Она вся въ исполненіи какихъ-то условныхъ и никому не полезныхъ такъ-называемыхъ добродѣтелей. Могутъ повторить только то что уже сказалъ: считаю Гибсона гордецомъ и лицемеромъ, или еще иначе опредѣлительнѣе: подлецомъ и дуракомъ.

Злость на Пономарева закипѣла въ Еленѣ и забрала ключемъ въ сердца. Давно уже крѣпилась она, но послѣднія ругательства перепопили чашу. Взглянувъ на Пономарева съ нескрываемымъ презрѣніемъ, она начала говорить какимъ-то необычнымъ голосомъ и въ сильномъ волненіи.

— Какими же, скажите на милость, высокими дѣяніями за правду и за права угнетенныхъ и слабыхъ проявляете вы, члены пресловутой соціальной партіи, ваши вѣрованія? До сихъ поръ что же сдѣлали вы? Убили Мезенцева, Кралоткина, нѣсколько жандармовъ и полицейскихъ, ранили Трелова, стрѣляли въ государя, погубили не знаю сколько молодыхъ людей по университетамъ, а гдѣ же тѣ которыхъ вы сдѣлали счастливыми? Вы мнѣ ихъ покажите; ихъ нѣтъ!... Вы, обратилась она къ Машѣ, — не знаю какою фамиліей назвать васъ, вы ходили въ народъ, говорили съ нимъ и что же вынесли вы изъ вашихъ хожденій?

— Что я вынесла? съ горячностью возразила Маша. — Я вынесла глубокое убѣжденіе въ необходимости поднятія экономическаго благосостоянія народа, а также уровня его нравственнаго и умственнаго развитія. Съ цѣлью пробудить въ народѣ общественную жизнь и сознаніе его гражданскихъ правъ пошли мы въ народъ для пропаганды. Когда же правительство отвѣтило на это рядомъ репрессивныхъ мѣръ и тѣмъ сдѣлало постановку дѣятельности невозможною, наша партія была вынуждена перейти къ политической борьбѣ

* Слова Желазова на судѣ.

противъ существующихъ государственныхъ формъ какъ главнаго препятствія къ достиженію цѣлей партіи.*

— Все это фразы которыми вы рисуетесь и искажаете правду, отвѣтила Елена.—Постановка дѣятельности вашей въ народѣ сдѣлалась невозможною не столько по причинамъ репрессивныхъ мѣръ сколько потому что самъ народъ отвергъ и выдалъ васъ. Онъ понялъ инстинктивно что вы врага его, потому что вы врага порядка и правительства, которое само повсюду и постепенно, а потому и безъ потрясеній, разумно и твердо, не только пробудило въ народѣ сознаніе его гражданскихъ правъ, но и сдѣлать за укрѣпленіемъ въ немъ этого сознанія. Но вамъ конечно этого мало; потому что въ васъ дѣйствуютъ не убѣжденія здравыя и желаніе блага народа, а личные расчеты и воззрѣнія. Вы, Солдатова, сдѣлались членомъ партіи потому что ни къ чему другому уже не годитесь, а вы, Пономаревъ, юродствуете изъ честолюбія, изъ той мысли что лучше быть прославленнымъ мерзавцемъ чѣмъ неизвѣстнымъ честнымъ труженникомъ.

— А вы сами изъ-за какихъ коврижекъ причисляете себя къ нашему кругу? спросила Маша, излолбывая и подозрительно глядя на Елену.

Пономаревъ совсѣмъ олъщилъ, словно струсилъ. Скрывивъ ротъ на сторону, онъ ловилъ губами волосы своей бороды въ которой не переставали колошиться его пальцы.

— Я не ставлю себя ни въ чемъ лучше или выше васъ, пожалуй согласна что я стою еще ниже другихъ, отвѣтила Елена, вставая со стула.—Вы имѣете причины держаться партіи социалистовъ. Вы, Солдатова, потому что фальшивое воспитаніе оставило васъ безъ почвы, вамъ некуда преклонить голову, нечѣмъ занять свой умъ; вы, Пономаревъ,—я уже сказала вамъ,—вы большыи неумѣреннымъ честолюбіемъ; Лобозъ страдалъ за любимую мать отъ глупаго чванства знатнаго семейства, а потому возненавидѣлъ всѣхъ и все. Повторяю, у каждаго изъ васъ есть причина. У меня нѣтъ никакой.

Сильно разгорячилась Елена, но когда высказала все что думала, ей стало легче, ее перестало душить кошмаръ, угнетавшій съ перваго шага въ комнату конспиративной квартиры.

* Слова Перовской на судѣ.

— Любовь, проводите меня до извозчика, уже поздно, сказала она более спокойным тоном, и обратась къ хозяйкам:—Вы видите, Пономаревъ, что и я тоже умѣю вазывать поступки какъ ваши такъ и мои настоящими ихъ именами.

Съ легкимъ наклоненіемъ головы, въ видѣ прощанья, вышла она въ сопровожденіи Лобова изъ комнаты. Хозяева даже не встали со стульевъ и молча кивнули ей головами.

— Ну, стоило ли такъ пороть горячку? замѣтилъ Лобовъ, выйдя вмѣстѣ съ Еленой изъ калитки рѣшетчатыхъ воротъ.

— Не могла я больше терпѣть всего этого гнуснаго надувательства, отвѣтила Елена.—Какіе это заговорщики! что за члены политической партіи! Мазурики которымъ нечего дѣлать и которые записались въ члены политическаго кружка чтобы только къ чему-нибудь пристроиться. Кто занимается сложнымъ мастерствомъ, кто столярнымъ, а они—революціоннаго цеха мастеровые.

— На половину только вѣрно, отвѣчалъ Лобовъ,—а на другую половину нѣтъ; и въ нихъ колочатся кое-какія убѣжденія, только не всегда ихъ собственныя, а навязанныя имъ и привитыя людьми болѣе умными и характерными. Ошибаются тѣ кто съ пренебреженіемъ смотритъ на развитіе въ Россіи социальныхъ идей. Жизнь такъ сложилась что въ бассейнахъ гдѣ скопляется весь социализмъ Россіи притокъ превышаетъ въ данное время истокъ, а потому въ бассейнахъ уровень все поднимается. Увеличить истокъ или расходъ трудно, но было бы возможно ослабить притокъ, а для этого нужны плотины въ системѣ воспитанія, въ прессѣ, въ... А! да чертъ съ ними, съ социалистами! Не въ томъ дѣло. Вотъ что, вы лучше скажите-ка мнѣ правду: зачѣмъ было такъ горячиться?

Елена молчала, идя подъ зонтикомъ, рядомъ съ Лобовымъ.

— Ваше молчаніе, Елена, служить мнѣ краснорѣчивымъ отвѣтомъ. Я понимаю васъ; вы не можете переварить мысли: какъ смѣлъ какой-нибудь Пономаревъ, кандидатъ въ каторжники, отозваться съ такимъ пренебреженіемъ о столь возвышенно-благородномъ субъектѣ, какъ Габсонъ, котораго... мы... любимъ, quand-mêте. * Вы говорили мнѣ, Елена, что онъ оттолкнулъ васъ и что между имъ и вами

* Не взираа на то.

все должно быть кончено. Въ тотъ вечеръ, помните, когда вы за мной послали, дня три тому назадъ, вы такъ думали, а сегодня, вы не можете вытерпѣть брани Пономарева. Гдѣ же ваша гордость, Елена, ваше самолюбіе? Или все уже перемѣнилось и вы опять надѣетесь?

Елена продолжала молчать.

Лобовъ взявъ у нея зонтикъ, положилъ свою руку на ея согнутую ручку и прижался къ ней близко, близко. Подъ шумъ дождевыхъ капель, бившихъ о зонтикъ, который прикрывалъ теперь уже двѣ головы, онъ говорилъ ей со страстью и тономъ человѣка рѣшившагося прибѣгнуть къ послѣднему средству для достиженія цѣли.

— Послушайте, Елена, и вѣрьте мнѣ что сію минуту я говорю вамъ безъ маски, отъ чистаго сердца и безо всякой задней мысли; но говорю уже въ послѣдній разъ. Послѣ кончины матери моей, вы первое и единственное существо къ которому лежитъ сердце мое, съ вами я могъ бы еще найти счастье. У меня еще довольно осталось чтобы жить независимо. Я женюсь на васъ какъ вы сами хотите и гдѣ хотите, потомъ бросимъ Россію, гдѣ мнѣ не дадутъ жить спокойно, поѣдемъ въ Англію, въ Америку, куда хотите, но только поѣдемъ вдвоемъ. Теперь вы любите Гибсона, но вѣдь это пройдетъ, потому что онъ никогда не полюбитъ васъ, а время и разлука помогутъ. Это лучшіе врачи. Повѣрьте мнѣ, никто не будетъ любить васъ такъ какъ я люблю. Неужели любовь моя не тронетъ вашего сердца никогда? Придетъ время, и вы полюбите меня, тогда мы будемъ счастливы. А здѣсь мы погибнемъ оба... Я вѣдь не заблуждаюсь относительно партіи *народной воли*. Вся эта социалистическая горячка, называемая терроромъ, пройдетъ какъ временная болѣзнь въ здоровомъ русскомъ тѣлѣ. Много мерзостей надѣлаютъ они, даже очень скоро, но чѣмъ болѣе будетъ этихъ мерзостей тѣмъ скорѣе они опротивятъ. Нельзя держать цѣлое общество безконечно въ натянутомъ положеніи. Было время въ семидесятыхъ годахъ когда всѣ говорили нашимъ языкомъ, а теперь ужъ не то. Покушеніе Соловьева отрезвило очень многихъ. Кто прежде болталъ, теперь молчитъ, какъ Вейсигъ. Еще нѣсколько кровавыхъ дѣлъ, и тотъ кто теперь молчитъ заволатъ: караулъ! рѣжутъ! А стоить обществу проснуться, и терроръ исчезнетъ. Значитъ, рано или поздно, все равно, но мы здѣсь погибнемъ. Что до меня лично, я къ этому равно-

душевъ, но васъ, вашей молодой прекрасной жизни, мнѣ жаль безцѣнно, и еслибы хоть когда-нибудь вы могли полюбить меня, мнѣ было бы жаль и своей жизни. Увидемъ отсюда, милая, дорогая моя, начнемъ вдвоемъ жизнь новую, спокойную, счастливую...

Какъ странно! думала Елена, слушая Лобова, почти тѣ же слова говорила я тому, и почти то же что онъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, почти то же должна отвѣтять и я.

— Голубчикъ мой, Лобовъ, никогда не забуду я вашей дружбы, сказала она, — и всегда буду съ благодарностію въ сердцѣ вспоминать сегодняшнія слова ваши. Но не хочу ни обманывать васъ, ни выставать себя лучше чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ни пользоваться привязанностію вашею чтобы спасти себя. Измѣнить меня могъ бы только одинъ человекъ, Гибсонъ, потому что я люблю его всею душой, всѣми моими добрыми цѣнностями, еще не совсѣмъ заглушими. Такъ полюбить другаго я не могу. Не буду я вашею женою Лобовъ, потому что я сдѣлаю васъ несчастнымъ; не буду и любовницею вашею, потому что хочу сохранить къ вамъ чувство чистое и уважать васъ. Затѣмъ условимся разъ навсегда, не будемъ болѣе возобновлять этого разговора. Я всегда буду вашимъ другомъ и добрымъ вашимъ товарищемъ. Для васъ, Лобовъ, я не женщина, и сожалѣю что природа не дала мнѣ той амфибальной наружности которою такъ одарена Солдатова.

Елена засмѣялась.

— Ну а теперь скажите мнѣ, вы знакомы съ полковникомъ Бжозовскимъ?

— Да, вижу его у Бирюзовой, разсѣянно отвѣтилъ Лобовъ.

Не могъ онъ надивиться какъ могла Елена такъ быстро переходить отъ мыслей самыхъ задушевныхъ къ такимъ тривиальнымъ представленіямъ какъ физическіе недостатки Солдатовой.

— Разкажите мнѣ подробности объ этомъ Бжозовскомъ, кто онъ и что онъ? настаивала Елена.

— Извольте, Елена Трофимовна, отвѣтилъ Лобовъ, передавая ей зонтикъ и выходя самъ изъ-подъ него. — Буду разказывать вамъ о Бжозовскомъ, но прежде отвѣчу въ короткихъ словахъ на то что вы мнѣ сказали. И вы, Hélène, и я мылахо кончимъ, и не спасетъ васъ никакой Гибсонъ. Я одинъ могъ бы спасти васъ, но вы этого не пожелали. Помните это.

А теперь о Бжозовскомъ. Господинъ этотъ — умный и хитрый мошенникъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ нашихъ улавскихъ полковъ во время послѣднихъ смуть въ Польшѣ въ шестидесятихъ годахъ. Въмѣстѣ съ нѣкоторыми другими офицерами польскаго происхожденія, онъ былъ притянутъ жондомъ народовымъ въ ряды революціонеровъ, но какъ умный и прозорливый человекъ, знакомый съ русскими солдатами и потому знающій истинный духъ Русскаго народа, онъ понялъ что медвѣжь всегда осилить кошку и что никакія лисицы въ родѣ Наполеона III и никакія англійскія прожоравыя шакалки не помогутъ кошке въ трудныя минуты.

— Дѣлаетъ честь его прозорливости и уму, замѣтила Елена.

— Несомнѣнно, продолжалъ Лобовъ, — но при этомъ переходъ свой отъ жонда къ законному правительству онъ совершилъ какъ-то ужъ очень хитро и неясно. Il mangeait à deux râteliers*.

— Понимаю, возразила Елена, — такого мнѣ и надо. Продолжайте, вы не повѣрите какъ разкажъ вамъ меня интересуетъ.

— Потомъ онъ очутился въ Петербургѣ, на службѣ въ одномъ изъ центральныхъ управленій; былъ командированъ въ Парижъ съ какимъ-то порученіемъ, прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, гостилъ довольно долго у сестры въ Женевѣ, потомъ возвратился сюда и теперь продолжаетъ свою вѣрную службу въ чинѣ полковника, выдѣляетъ себя предъ начальствомъ за непоколебимаго консерватора, а въ то же время вмѣстѣ съ Бирюзовой радѣетъ о пользахъ революціонной партіи, но дѣлаетъ это умно и никогда не поладится.

— А какъ бы сдѣлать чтобы встрѣтиться съ нимъ? продолжала Елена.

— Съ нимъ встрѣтиться не трудно, можно сойтись у общихъ знакомыхъ. Вотъ скоро будетъ семнадцатое сентября, день Софьи, Вѣры, Надежды и Любви, будетъ званый вечеръ у Марьи Федоровны по случаю именинъ Sophie. Тамъ бываетъ ш-ше Бирюзова и братъ ея Бжозовскій. Тамъ и увидите. Я вамъ представляю его и для облегченія вамъ сношеній съ нимъ предварю его о вашемъ желаніи.

— А теперь прощайте, Лобовъ, вотъ Невскій Проспектъ и вотъ извозчикъ, мнѣ надо направо въ Большую Конюшенную, а вамъ кажется направо, въ Знаменскую. До свиданія.

* Онъ служилъ и нашимъ и вашимъ.

Она пожала ему руку, весело улыбулась, сѣла на дрожки и исчезла изъ глазъ Лובה. Туманъ сырой дождливой ночи и темнота широкой плохо освѣщенной улицы словно поглотили образъ любимой дѣвушки. Ему казалось что эти, все еще дребезжавшія дрожки, когда уже не стало видно ни ихъ, ни Елены, унесли съ собою и всѣ надежды его жизни. Онъ остался на углу Невскаго и Николаевской улицы погруженный въ безотрадные мысли, и не замѣчалъ онъ что дождь мочить его платье и начинаетъ проходить до кожи его на рукахъ и на спицѣ.

Все окружающее его словно медленно опускалось въ бездонную мглу, засасывая и его съ собою...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. КРЫЖАНОВСКІЙ.